

Андрей Уланов
«Додж» по имени Аризона
Серия «Разведчик», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120426
«Додж» по имени Аризона: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28788-8

Аннотация

Янки при дворе Артура было не в пример легче. Всех проблем-то – за пару месяцев построить в раннем Средневековье развитой капитализм. Сержант Малахов мало что угодил из одной войны на другую, так и мирок ему попался позаковыристее: драконы, маги, орки, гоблины и прочая нечисть, что на сторону Тьмы глядит и норовит добрым людям жизнь испортить. В общем, особого выбора дивизионному разведчику образца 44-го года судьба не оставила. Приказ командования, автомат в руки – и грудью на амбразуру – или что там у них вместо нее. За Родину, за Сталина, за принцессу Дарсолану!

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Уланов

«Додж» по имени Аризона

*Элеоноре Раткевич – спасибо за все!
Старшему лейтенанту Светлову
Панкратову-Плюшкину
Дэну Смушковичу, который
не захотел тут появиться
Мишке – за то, что он научил рыжую непосредственности и
тому, как доставать людей.
И – моей жене!*

Часть I

Без вести пропавший

Глава 1

А ведь начиналось-то все, как обычно.

Мы тогда шли узнавать, куда немцы задвинули свой гаубичный дивизион. И задвинули ли они его вообще – может, он на том же месте стоит, скирдами прикидывается. Как говаривал Коля Аваров: «Всего-то делов».

На прежнем месте дивизиона не оказалось. Нашли мы там полтора пушечных колеса плюс пяток воронок от «петляковых». Зато от тягачей, что эти гаубицы уволокли, осталась такая шикарная колея – не хуже Герингштрассе. А потом мы столкнулись с патрулем.

Это была первая гадость. И попался-то он нам так неудобно, что не спрятаться, не смыться тихо. А во-вторых, когда мы их стали снимать, Витя Шершень то ли сплоховал, то ли фриц ему попался на редкость живучий – успел, гад, на спуск нажать. В общем, нашумели.

Ну, капитан наш правильно решил – отступить надо к ним в тыл. На переднем крае сейчас от ракет в глазах рябит и чешут по каждой тени. А в ближнем тылу отсидимся, подождем, пока все успокоится, и выйдем. Не к своим, так к соседям.

И тут эти связисты! Нет, ну надо же, чтобы за один выход два раза такая бледнота! Бывало, лежишь часами, а фрицы у тебя под носом бродят – и ничего. А тут – послетались, словно мы медом намазанные.

Хорошо еще, болотце поблизости оказалось. Первое дело против собак. Ручей, он, конечно, тоже неплох, но если по берегам пойдут – найти место выхода могут. А в болото фрицевские овчарки не полезут – не дурные.

В общем, поползли мы на этот островочек, обсохли малость, ну и думаем к ночи выбираться. Все болото немцы не оцепят – тут батальон нужен, а кто ж целый батальон ночью в оцеплении будет держать. Выставят посты и завалятся себе. У немцев ведь все четко – днем воюем, ночью спим. А мы мимо них на брюхе...

И тут по островку как врежут шестиствольным.

Я сначала решил – все, аминь. Был старший сержант Малахов – а осталась воронка от «андрюши». А оказалось – нет, рядом. Повезло. Можно сказать.

Очнулся я на каких-то нарах. Сел, глазами похлопал – руки-ноги вроде на месте, голова тоже. И форма вся целая, даже не порвана нигде – гимнастерочка хэбэ, ремни – брезентовые, как положено, сапоги, даже пилотка в левом кармане – и та на месте.

А главное – нож в правом сапоге.

Вот тут я маленько опешил. Думаю, может, меня и в самом деле свои вытащили. Партизаны там или местные какие, хотя откуда они в прифронтовой-то полосе. Ну не похоже это на немцев – такие роскошные подарки оставлять!

Огляделся. Камера как камера, встать можно, макушкой об потолок не шваркаясь, и шаг сделать можно – от нар до стены. Окна нет, дверь деревянная, железом обита. Все как положено. Я-то сам, правда, не сидел, но наслушался достаточно.

Только я к двери подошел – лягз, грохот, дверь распаивается, а на пороге рожа, да такая, что только в луже да с похмелья увидеть можно. Это, помню, нас в мае одна селянка наливкой угостила – ох и было же нам на следующее утро небо с овчинку. А потом еще и от капитана...

Тип, значит, весь из себя такой квадратный, угловатый, явно под «фердинанд» косит. Бородой зарос по самые брови, словно партизанит третий год. Куртка на нем – кожаная, с бляшками, а на поясе меч. Самый натуральный. Из какого музея он его спер – леший знает. – Выходи.

Ты гляди, думаю, он и по-русски шпрехает. Ежкин кот, куда ж это меня занесло?

Напялил я, значит, пилоточку на всякий случай, и пошли мы. Я впереди, тип сзади. Коридор – ни одной лампочки, одни факелы на стенах чадят. Прямо инквизиция какая-то. Потом лестница, еще дверь, а за дверью еще один тип. Этот в музее еще больше поживился – весь железом обклеился, шлем рогатый, явно нового образца, и, главное, меча ему мало показалось – копьё приволок, словно тут им размахнуться где можно. И хоть бы для приличия «шмайссер» на плечо повесил!

Дальше коридор уже пошире и почище пошел, свет солнечный откуда-то сверху пробивается. Еще пара музейных рож навстречу попалась, причем покосился один на меня как-то странно – словно это не он, а я чучелом огородным вырядился. А может, он русского никогда не видел?

Черт, думаю, тут что, доктор Геббельс кино про нибелунгов снимает? А я им на роль Зигфрида подошел? Или на роль коня Зигфрида?

Наконец пришли. Тип с бородой осторожненько так в двери поскребся, прислушался, створку приоткрыл, меня внутрь пихнул, а сам снаружи остался. Причем видно было по бороде, что сильно ему внутри не то что заходить, а и заглядывать-то не хочется.

Ну вот эта комната мне и самому не понравилась. Большая, в окнах стекла мутные, справа два стола, и оба до краев колбами да ретортами заставлены, и во всех какая-то разноцветная химия бурлит. А за столами, в углу, кресло виднеется, с подножкой и с подлокотниками, вроде как зубоврачебное, да что-то ни я на зубы не жаловался, ни кабинетик этот на докторский не смахивает. Разве что таких докторов, у которых в петлицах по две молнии. Наслышаны, знаем.

Прямо передо мной помост, небольшой такой, а на помосте стол. Здоровый стол, весь красным бархатом забит сверху донизу. А за столом главный тип сидит, лысый, в черном халате без знаков различия. Согнулся и делает вид, что амбарную книгу, что лежит перед ним, изучает.

Ладно, поиграем, кто кого перемолчит. Мне-то что, я на тот свет не тороплюсь, поскольку в него не верю. Мне в него не верить по должности положено, как секретарю комсомольской ячейки.

Ага. Лысый наконец соизволил от книги оторваться и на меня уставился. Глаза у него какие-то странные, неприятные глаза. Словно в автоматные дула смотришь.

А я чего? Я ничего, так, химией интересуюсь.

Забавно, зачем я им все-таки сдался? О планах штаба дивизии нас никто в известность не ставил, а где их гаубичный дивизион, они и сами знают. Не иначе, новую методику на мне будут отрабатывать. А то на кой черт им простой старший сержант?

– Ты, – лысый со своего насеста прокаркал. – Знаешь, куда ты попал?

Ну, вопрос.

– В гестапо, – отзываюсь, а сам лихорадочно соображаю: «Или все-таки абвер? Мундиров-то я не видел».

Ясно только, что не полиция.

Самое странное, что ответ мой типа, похоже, удивил не меньше, чем меня – вопрос. Он даже репу свою лысую поскреб.

– Какое имя тебе?

– Чего?

– Имя!

Поиграть в молчанку? А проку им с моего имени? Нате, подавитесь. Если что – вы меня надолго запомните.

– Старший сержант разведроты 134-й стрелковой дивизии Сергей Малахов.

– Это имя твое?

Нет, откуда они этого клоуна выкопали? По-русски он чешет без акцента, может, из беляков недобитых? Подвинулся на старости лет?

– Нет, почтовый адрес.

Лысый на меня взглянул так, словно я вдруг по-японски начал трепаться. Снова поскреб репу и задумался.

– Ты, – наконец выдал он, – умеешь убивать.

– Это вопрос?

– Ты умеешь убивать, – повторил тип.

Да уж третий год только этим и занимаюсь!

– Не то слово. «Тиграм» с одного плевка башни сношу, а «мессеров» из рогатки, не глядя, щелкаю.

Ну, если честно, башню «тигру» тогда самоходчики снесли. Я только гусеницу гранатой распорол. Но комбат, тот все равно обещал на меня наградную написать. Мы ведь в его батальоне случайно оказались – место для прохода искали, а тут атака. Я» тигра» подшиб, а Прохоров из пулемета не меньше взвода положил. В общем, помогли удержать позицию. Правда, медаль мне так и не дали, да я и не возникал – своих, что ли, мало. А через неделю комбата того снайпер хлопнул.

– Мне нужно будет, чтобы ты убил для меня.

О! Вот теперь понятный разговор пошел. Вербуют. Ну, слушаем, слушаем.

– От этого человека зависит судьба страны.

Ух, ты! Это ж на кого меня нацеливают? Неужто на товарища Сталина?

– И не одной страны.

Нет, точно. Ну, думаю, Малахов, ты теперь любой ценой обязан отсюда живым выбраться и про это змеиное гнездо командованию доложить. Это твоя прямая обязанность, как бойца и комсомольца.

– А моя благодарность не будет знать пределов.

Ага, думаю, держу карман. Из «парабеллума» в затылок. Что б ему такое поддакнуть для правдоподобия?

– Как насчет счета в банке? – с такой ленивой ухмылочкой интересуюсь. – Учтите, я в марках не беру, только в фунтах.

Лысый непонимающе так на меня глянул.

– Платить сколько будешь, дядя? Здесь задаром не подают. – Если он начнет со мной торговаться – значит, все, клюнул.

– Пять тысяч золотых будут достаточной ценой.

Черт! Торгуется! Чего ж делать-то? Может, цену себе попробовать набить?

– Да за кого ты меня, дядя, держишь? – усмехаюсь. – За такие гроши тебе никто ворону не зажарит. Тридцать – и половину вперед.

Ну, думаю, если он это проглотит – значит, здесь не гестапо, а натуральный дурдом.

Тут в дверь снова поскреблись, и в створку просунулась какая-то крысиная морда – с заячьей губой и усиками под любимого фюрера.

– Э-э, мессир, тут...

Лысый тип на меня так косо поглядел.

– Мунгор.

– Да, мессир.

Это, оказывается, моего бородатого конвоира так кличут. Ну и имечко. Хотя и на имя-то не похоже. Может, у них тут клички в ходу?

– Отведи.

А куда отвести, не сказал. Надо полагать, обратно в камеру. Ну, я плечами пожал, руки за спиной сложил – веди, мол.

Обратно мы пошли другой дорогой. Поднялись зачем-то вверх по лестнице, а там – еще один коридор. Широкий такой, и ни единой живой души в нем нет. А в конце коридора, у поворота, солнечный свет пробивается.

Как подошли мы к этому повороту – гляжу, а свет-то из дыры в стене. Не слабая такая дыра, калибра так от ста пятидесяти. Местные ее досками заколотили, но хреново – такие щели, что запросто просунуться можно.

Ну и я как раз напротив двери ка-ак брякнусь об пол. Даже макушкой приложился для достоверности. Взвыл, за сапог хватаюсь, а тип меня за плечо дергает:

– Иди.

– Да подожди ты, – говорю, – дядя. Дай хоть ногу растереть. Щас встану, и пойдем.

А сам в щель пялюсь.

До земли, я так прикинул, метров шесть будет. И кладка подходящая, есть за что зацепиться. Вверх бы я по ней, пожалуй, не рискнул, а вниз – может и получится. Внизу у стены кустарник сразу начинается, хлипкий, правда, кустарник, насквозь все видно, пригорочек недалеко, а за пригорочком – лес.

И тут меня как под ребро кольнуло. Окон тут в коридорах я еще не видел, только у лысого в кабинете, да и то мутные – не видно ни фига. Пока эти олухи меня засекут, пока автоматы из-под своего маскарада добудут, до леса добежать успею. Шансы, конечно, хлипкие, а что делать? Кто его знает, что этим психам через час в голову взбредет? Психи, они психи и есть. А мне про это змеиное гнездо доложить куда следует нужно прямо-таки позарез.

В общем, прокачал я все это в голове и решил – была не была!

– Ладно, – говорю, – пошли, дядя. Руку дай только.

Ну, он мне руку протянул, я за нее взялся, сам встал, а его аккуратненько так на пол уложил – и финкой по горлу. Живучий, гад, оказался – схватился за свою железку и вытащил ее до половины. Но все равно сдох как миленький.

Я доску отодрал, наружу выглянул, смотрю – прямо подо мной бордюрик, а на нем какая-то уродина каменная примостилась, крылья растопырила и скалится. Ну, думаю, данке шен вам, господа архитекторы. Это ж не пташка, это ж натуральный дом отдыха у дороги. Санаторий.

Сполз я этой пташке на спину, осмотрелся, перелез через нее, за когти на лапах зацепился, повисел – до земли метра три оставалось – и спрыгнул. Приземлился хорошо, ушел в пережат, вскочил, зыркнул по сторонам – никого – и ходу. И назад обернулся только на пригорке.

Ежкин кот! Эта психушка, из которой я так лихо драпанул, оказывается, в замке расположена. Ну и замок они выбрали себе под стать. Весь черный, зубчатый, несимметричный какой-то. Я, конечно, настоящие замки только на картинках видел, вблизи пока не доводилось, но очень уж неправильный он был. Нехорошее место.

Может, я бы на него и дольше пялился – ноги сами понесли. Но все равно, отпечатался в голове, как на фотопленке. Ладно, думаю, тем лучше. Таких уродов во всем мире наверняка раз-два и обчелся. А уж специалисты сразу скажут, где эта штука находится. И будет вам тогда, ребята, дружеский визит в лице бомбардировочного полка. Камня на камне не останется.

Километра два я по лесу прорысил, гляжу – ручей. Я в него – и рванул себе против течения. Прошлепал еще метров семьсот – и на валун, оттуда – на дерево и в крону, повыше. Тут как раз и собачки брехать начали.

Я на дереве поудобнее утвердился, к коре прижался, вторым стволом прикидываюсь – и выглянул осторожненько. Как раз первый пес показался.

Ну, доложу я вам, и зверюг они тут развели. Ростом с теленка, черный, словно сажей вымазлся, на шее ошейник шипастый, в пасти клыки – с палец, пена клочьями летит. Та еще тварь, обычная фрицевская овчарка против нее – щенок недоделанный.

Страховище это мимо пронеслось, за ним еще два таких. Я уж было вздохнул, как вдруг слышу – топот. Хозяева собачьи пожаловали.

Ну, эти ребята явно в музее первыми отоваривались. Трое, на вороных конях и с ног до головы в черную броню заделаны. У седла меч приторочен, и плащи за спиной, словно знамя развеваются. И все черное. Явно эсэс какие-нибудь сдвинутые – заскок у них на этом цвете.

Проскакала эта тройца вслед за собачками. Я еще полчаса на дереве поскучал, послушал – нет вроде, не возвращаются, – слез и надал так, что только пятки засверкали. Такой марш-бросок выдал – любо-дорого. А что? Мешка за спиной нет, автомат тоже к земле не тянет, только и успевай ноги подставлять.

Отмахал я так еще пяток верст, чувствую – притомился. Но вроде оторвался, лая не слышно. Вообще ничего не слышно.

И только сейчас я соображать начал – странный какой-то лес. Обычно, когда по лесу идешь, нет-нет да и цвикнет птаха какая. Даже когда ломишься напролом, словно лось раненый, звук какой-то всегда есть. А тут даже ветра в кронах нет. Нехорошая тишина. Мертвая.

На фронте такая тишь только перед большим боем бывает.

У меня от этой тишины сразу мурашки по спине забегали. Пакостное ощущение – идешь и не знаешь, где тебе на голову кирпич свалится. А то и чего похуже.

Деревья тоже непонятные какие-то. Ни берез, ни сосен – вроде бы дерево как дерево, а что за дерево – леший знает. Первый раз такие вижу.

И погода странная. Лето сейчас, тепло, а солнца не видно. Но муторность на душе такая, словно в самую распоследнюю осеннюю распутицу весь артполк на горбу тащишь.

Одно ясно – на Украину это не похоже. Тогда где я?

Я щетину поскреб – нет щетины. Как вчера вечером перед выходом побрились – вот за сутки и отросло. Хотя – если сразу с того болотца на аэродром и в самолет – запросто могли за пару часов к черту на кулички уволочь. Вот и гадай теперь, старший сержант, куда тебя занесло.

Румыния? Польша? Югославия? Венгрия? Черт его знает. Может, даже и Германия.

А потом я на деревню вышел.

Деревня как деревня. Домов тридцать в ней. Было. По одной стороне улицы дома целехонькие, а с другой – печки черные да головешки.

Ну, этого-то добра я навидался предостаточно. Даже удивился – чего ж они половину-то деревни целой оставили. Спугнули их, что ли? Кто? Неужто и в этих краях партизаны водятся?

Домики, правда, тоже незнакомые. Не избы деревянные и не хаты – у хохлов, я заметил, самая последняя мазанка обязательно в белый выкрашена. А тут – серый.

Гляжу я на эту деревню – и чувствую, как на загровке волосы потихоньку шевелиться начинают. Ой, думаю, товарищи родные, что-то здесь глубоко не так.

Сколько мы мимо таких вот деревень сожженных ходили – никогда такого не было. Ну, поначалу, конечно, за глотку брало, и такая злоба кипела – попадитесь, гады, только. А потом притерпелись. Тем паче – не «языков» же нам резать.

А тут – как будто то зло, которое здесь разгулялось, никуда не ушло, а прилегло в сторонке и дремлет, до времени.

И комок к горлу подступает, мерзкий, как немецкий паучий шрифт.

Ну, к предчувствиям в нашем деле прислушиваться, конечно, надо, но только одним ухом. А то можно и вовсе за линию фронта не ходить. Ой, робяты, чегой-то у меня сегодня предчувствия нехорошая, да и встал я не с того лаптя. Может, не пойдём за «языком»?

Что на такое капитан ответит? Правильно. Хорошо, если только матом обложит.

В общем, скатал я все эти страхи и запихнул поглубже. А потом поднялся и пошел.

Жгли эту деревню с год назад. Народ, видать, к лесу бросился – да где уж там. Может, кто и смылся, да только вряд ли.

И тут я такое увидел – чуть посреди улицы не сел. Скелет мне попался, здоровый, метра два в нем было. Вроде бы скелет как скелет, а нет. Челюсть у черепа вперед выпирает, а на челюсти той клыки. Как у бульдога.

Ни черта себе, думаю, это что ж за урод такой? Может, он эти клыки себе специально вставил, народ пугать? Да вроде на липовые не похожи.

Одно ясно – без психов из замка тут явно не обошлось.

Поискал – точно. Еще два костяка лежат, оба под два метра и оба клыками скалятся. Прямо зоопарк какой-то.

Ну, не иначе господа немцы новую породу выводят. Самых что ни на есть истинных арийцев. Рогов только не хватает для комплекта.

И еще странность – ни одного следа от пули. Мечами они, что ли, своими работали? С этих станется.

Покрутился я, осмотрелся – нет, думаю, надо мне от этого замка подальше двигать. По прямой. Здесь, в округе, мертвая зона, по всему видать. А подальше от этих страхов, глядишь, кто живой и сыщется.

Да и время уже за полдень перевалило. Солнца, правда, так и нет, но нутром чую.

Иду, а сам размышляю – что ж это тут за ерунда творится? Вопросов куча, да и ответов немало. Только вот ответы эти к вопросам не подходят, по калибру не совпадают.

Ладно. Мне бы только до рации добраться – а там хоть трава не расти.

За деревушкой лес недолго был. Редеть стал, холмы пошли, кустарником заросшие, и пустоши. Хоть и не хотелось мне на открытое место соваться, а что делать?

Тут-то я Кару и повстречал.

Мне еще повезло, что как раз ветерок в мою сторону дул. Хилый, правда, но хватило. Чую – запах какой-то новый повеял – и, не раздумывая, в кусты. Сижу, воздух нюхаю.

Мне в этом отношении повезло. До войны курить так и не начал, а уж в разведке и дымоходов быстро отучали. Ну а раз нос не испорчен – натаскаться можно. Немецкий одеколон, например, я за полсотни метров запросто унюхаю.

С этим одеколоном забавная история однажды вышла. Приволок я как-то с задания флакон духов, хороших, французских, «Paris» на этикетке намалевано. Ну, я-то не девка, мне они без надобности, махнулся с шифровальщиком из штаба корпуса на часы. Тоже хорошие, швейцарские, водонепроницаемые, циферблат ночью светится. А этот дурак нет чтобы связистке какой презент поднести, сам ими надушился и ходит – благоухает. Разведотдел весь со смеху попадал – духи-то женские.

Так вот, сижу я, значит, в кустиках и чую – конем пахнет. Конским потом. Жутко въедливая штука этот пот. А где конь – там и человек недалеко.

Главное, лошинка эта уж больно для засады место подходящее. По бокам холмы крутые – пока по склону вскарабкаешься, три раза свалишься. А сама лошинка ровная, гладкая, и валуны на той стороне. Вот в тех валунах с пулеметом обосноваться – милое дело. Пока скумекают, что к чему, пока развернутся да назад выберутся, полроты запросто положить можно.

Ну, я-то в любом случае по этой лошинке ломиться бы не стал. По открытым местам шляться – дураков нынче нет, а кто были – давно в земле лежат. Час убил, обошел это дело по кругу, последние двести метров на брюхе прополз так, что ни одна травинка не шелохнулась, в общем, вышел в тыл, вижу – сидит. И кто? – девка!

Пристроилась, значит, за валунами, лук поперек колен, колчан рядом стоит. Одежда на ней кожаная, в обтяжку, только не черная, а светло-коричневая. А поверх кожи сетка кольчужная дырявая. И главное, волосы рыжие, как огонь. Лица, жаль, не видно.

Ну, я к ней со спины подобрался поближе – и ка-ак прыгну! Покатились мы по земле, лук в одну сторону, стрелы в другую, я только ее на прием собрался взять, а она меня сама как хрястнет оземь – сразу все свои кости вспомнил, даже те, о которых и не знал до сих пор.

Вскочил, а она нож держит. Охотничий, раза в два побольше моей финки будет. Ну, размеры – это, положим, не так уж важно, но и держит она его ловко, видно, что не впервой хватается.

И... до чего на рысь похожа – лицо круглое, глаза зеленые, огромные и шипит.

Я для пробы пару выпадов сделал – ох, чувствую, серьезно повозиться придется. Девчонку явно кто-то понимающий натаскивал. С такой ухо надо остро держать, если не хочешь без уха остаться.

В принципе, я с пяти шагов в горло десять из десяти попадаю. Или в дыру можно, как раз у нее над правой грудью в кольчужке прореха. Ну, так «языка» убить тоже умельцев хватает, ты попробуй его живым и целым приволочь!

Так что я еще пару раз ей ножиком перед личиком помахал – а потом взял, да и выронил его. Она за ним глазами – зырк, а я ее за руку и второй раз не сплеховал. Вывернул, выкрутил, а левой за горло перехватил и придушил легонько, для надежности. Пускай, думаю, полежит, остынет малость.

Огляделся, ножики подобрал, поискал веревку какую, ничего, понятно, не нашел, пришлось собственный ремень пожертвовать. Стянул ей руки за спиной, поднял за шиворот и встряхнул.

Ох, огонь-девка. Так глазищами сверкнула – думал, сейчас глотку бросится зубами рвать.

– Звать-то тебя как? – спрашиваю.

Вместо ответа она меня попыталась сапогом достать. Я уклонился, подсечку провел – обратно шлепнулась.

– Тебе что, – говорю, – на земле поваляться охота? Так ведь, знаешь, и застудиться недолго.

Тут она как завизжит:

– Можешь делать со мной что хочешь, проклятый, не единого звука не издам.

– Тю, – говорю, – еще одна Зоя Космодемьянская выискалась. И с чего это ты, рыжая, взяла, что я тебе враг? И потом, если молчать собираешься, зачем на всю округу визжишь? Мне, между прочим, шум нужен еще меньше, чем тебе.

Молчит. Ну, точно, решила в героев-подпольщиков поиграть. В героинь.

Вдруг слышу – топот за спиной. Оборачиваюсь – конь. Словно из-под земли выскочил, секунду назад его здесь не было, и на тебе, стоит, морда гнедая, и подозрительно как-то на меня косится.

– Твоя лошадь? – спрашиваю.

Молчит.

И тут меня словно ударило – я же ее по-русски допрашиваю!

– Русский откуда знаешь?

Молчит.

Ладно, думаю, подожди. Я с тобой еще побеседую, в более, как говорит старший лейтенант Светлов, приватной обстановке. А пока мне сильно охота куда-нибудь подальше убраться. Очень уж этот замок мне на нервы действует.

Подошел я к коняге, осторожно так, бочком, поймал повод – конь на меня фыркнул, но вырваться не стал.

Вообще-то я лошадей обычно стороной обхожу. Человек я по натуре городской, мне больше железного коня подавай – тут уж я любую развалюху так отлажу, быстрее «Опель-Адмирала» побежит. Было бы только время да инструменты. А с коняками у меня пакт о ненападении – я их не кусаю, а они меня. Ну да ничего, все ж четыре чужие лучше, чем две свои.

Взгромоздился я кое-как в седло и попытался трофей свой наверх за плечи затащить. Только вытянул – а она мне как врежет плечом. Я с коня кувырком и затылком об камень приложился – только искры в глазах засверкали.

Когда очнулся, первое время сориентироваться никак не мог. Кругом темно, голова раскалывается, спасу нет, не иначе прикладом врезали, желудок на тошноту тянет, а все вокруг покачивается плавно, и звуки непонятные – цок-цок. Тут в глазах маленько прояснилось, и увидел я, что свисаю с крупа той самой гнедой твари, с которой меня так хорошо запустили. Ноги с одной стороны ремнем стянуты, похоже, моим собственным, а руки с головой, понятно, с другой. Руки в запястьях бечевой какой-то замотаны. Ну, я дергаться зря не стал, как висел, так и вишу, а сам потихоньку узел на вкус пробую. Вроде поддается, но хреново – больно туго затянут.

Тут как раз копыта коня по деревянному мосту процокали, и въехали мы в какой-то двор. Только я попытался голову приподнять, и в этот момент меня вниз спихнули.

Черт! Приземлился я на связанные руки, перекатился через голову и угодил ногами в кучу гнилой соломы. И при этом еще успел засечь сарай какой-то – похоже, конюшню – с воротами нараспашку, а рядом с тем сараем – новенький «Додж» три четверти.

Ну, ничего. Я с этой рыжей стервой еще посчитаюсь.

Поднялся, ремень с ног стянул, огляделся – непонятно, что за место. Дворик небольшой, но и не сказать, чтобы сильно маленький. Грязный. По углам пяток человек копошится. Одежка на них – не совсем рвань, но тоже непонятная какая-то. Дерюга, не дерюга, черт ее знает. А стены вокруг высокие, каменные. Хорошие стены. «Сорокапяткой» не возьмешь.

– Олеф, Арчет!

Гляжу – два суслика работу бросили и ко мне приближаются. Один светловолосый, лет тридцати, ладный такой, ухватистый, а второй моложе, но вымахал – два на полтора, грудь надул, как протектор от «студера», но что-то у него на роже такое проскользнуло, что я сразу просек – слабак! На обоих безрукавки кольчужные и мечи у пояса, я уже даже и удивляться особо не стал.

Выстроилась эта парочка у меня по бокам почетным конвоем, за плечи уцепилась. Причем блондин спокойно так взял, но цепко, а здоровяк гимнастерку в жменю загреб и стоит, довольный. Олух натуральный – его на любой прием взять можно, а он и не скумекает ничего, пока собственной железякой башку не смахнут.

Рыжая с коня соскочила, прошлась передо мной, прямо как офицер перед строем, и вдруг ка-ак вмажет мне с размаху по зубам – только моргнуть успел.

Потрогал языком зубы – вроде не шатаются. А вот губу наверняка рассадила. Рукой попробовал – ну, точно, кровь.

Я усмехнулся, криво, правда, и говорю, как капитан:

– Связанных пленных бить – много храбрости не нужно.

Рыжую аж перекосило.

– Ах ты...

Тут уж за меня светловолосый вступился.

– В самом деле, Кара, – говорит, – чего это ты так на него?

Кара, значит. Ладно, запомню.

– А ты не лезь не в свое дело, Арчет. Я тут хозяйка.

И тут я гляжу – через двор мужик идет. Вроде бы местный – портки на нем серые, куртка кожаная, меч опять же. Дрова тащит. А на ногах – кирзачи стоптанные. Уж наши-то солдатские кирзачи я за километр различу.

Ну я и заорал:

– Стоять! Напра-во! Кругом!

Мужик дрова выронил, развернулся, форму мою увидал – и замер с раззявленной пастью.

– Е-мое, – говорит, – никак наш.

Кара тоже обернулась.

– Троф, ты его знаешь?

Троф? Трофим, что ли?

– Нет, но... форма на нем наша, советская. Да свой он, ребята, что я, наших не знаю?

Пока они уши развесили, я руки к лицу прижал, как будто кровь из губы остановить пытаюсь, а сам узел грызу. Он и поддался. Я Арчета за запястье ухватил, на каблуке крутанулся, и полетела эта парочка вверх тормашками. Рыжая только поворачиваться начала, а я уже у нее за спиной и ее собственный нож к горлу приставил.

– Давай к машине, быстро, – и мужику ору: – Бензин в баке есть?

А мужик от меня шарахнулся.

– Ты, это, парень, – говорит, – брось нож. И девушку отпусти. А то худо будет.

Да уж, думаю, куда хуже-то? Опять одни психи кругом.

– Значит, так, – говорю. – Ключ в машину, бензина чтоб полный бак и автомат. А не то... – и ножом рыжей подбородок приподнял. – Точно худо будет.

А Трофим куда-то за спину мне пялится.

– Не стреляйте, – руками машет, – не вздумайте стрелять!

Я рыжую развернул, а там уже народишко высыпал, и трое уже наострились луки натягивать.

– А ну положь наземь! – кричу. – Кому сказал!

Подчинились. Неохотно, но подчинились. Это приятно, прямо душу греет. Глядишь, может еще и поживем.

А Трофим этот сзади топчется, в затылок дышит.

– Ты что, не слышал, что я сказал? – спрашиваю. – Машину и автомат сюда, живо.

– Отпусти девушку, воин.

А вот это явно местный командир ко мне вышел. Высокий, стройный, кольчуга на нем как никелированная сверкает, не то что на остальных олухах, за спиной плащ синий ступеньки метет, но главное – держится он соответственно. Настоящего командира я по этой привычке сразу замечаю. В любой толпе пленных, не глядя на петлицы – это обер-лейтенант, это фельдфебель, а это писарь какой-нибудь штабной, даром что морду отожрал и сукно офицерское. Бывают, конечно, исключения, но редко.

Рыжая, как его увидела, сразу напряглась вся, словно навстречу хотела кинуться, а потом обмякла и – «Отец!» – выдохнула.

Ага, думаю, ты у нас, значит, папаша будешь. Тем лучше, обойдемся без торговли.

– Значит, так, – говорю, – повторяю последний раз. Ключ от «Доджа» и автомат с полным диском. Тогда получишь свою дочурку живой и невредимой. И без шуток. Я нынче шуток не понимаю, не в настроении.

Высокий на Трофима оглянулся.

– Автоматов у нас нет, – говорит тот, – а ключ в машине. Только не заводится она.

Знаем мы эти штучки.

– Ничего, – говорю, – посмотрим. Может, это она только у вас не заводилась, а у меня с пол-оборота заведется. И про автоматы заливать не надо. «Додж» у них, видите ли, есть, а автоматов нет. А ну, живо тащите!

– Ну, нет у нас автоматов, – Трофим ноет, – пара винтовок да «наган».

Смотрю – убедительно ноет. Чуть ли слезы на бороду не каплют.

– Ладно, тащи «наган». Но чтоб барабан полный был. А не то я на тебя, шкуру продажную, точно не пожалею.

Убежал. Я потихоньку начал к машине перемещаться. Папаша рыжей за мной, но дистанцию пока держит.

– Отпусти девушку, – снова пластинку завел, – не к лицу воину прятаться за женщину. А ей рано играть в наши игры.

– Ага, – говорю, – шас. Разбежался. Как связанного по зубам хлестать – это она может, взрослая. А как отвечать – еще маленькая. Знаем, навидались. Их бин арбайтер, камрады, не стреляйте. А у самого руки керосином воняют.

– Отпусти девушку.

Чувствую вдруг – ни с того ни с сего глаза слипаться начали. И рука с ножом дрогнула. Хорошо еще, девчонка тоже почувствовала что-то, напряглась, я и очухался.

– А ну кончай, – кричу, – а то у меня рука по-всякому дрогнуть может. Сказал же – без шуток.

Тут Трофим прибежал. Запыхался весь. Подсеменил поближе и «наган» за ствол протягивает. Я его левой взял, глянул, патроны вроде на месте. Крутанул барабан и пальнул в землю – только пыль брызнула. Значит, без обмана.

Ну, я курок взвел, нож убрал, взамен рыжей ствол к затылку приставил – и к машине. Подошли, гляжу – точно, ключ в замке болтается.

– А теперь медленно, спокойно обошла машину и села с той стороны. И учти: дернешься – первая пуля тебе, вторая папочке между глаз, благо стоит недалеко.

Проняло. Обошла, села, уставилась перед собой, словно статуя. Я в «Додж» забрался, ключ провернул – не заводится. Второй раз крутанул – не идет! Бензин есть, а зажигание не хватает. Ну что ты будешь делать? Не под капот же лезть? Коня, что ли, оседланного потребовать?

– Я снова прошу тебя, воин, – опять папаша завелся, – отпусти девушку. Я не виню тебя – ты многого не знаешь. Опустит оружие, и пойдем со мной – нам следует поговорить.

Посмотрел я в его синие глаза... и поверил. А может, просто достала меня эта чехарда. Провались оно все к чертям, думаю, будь что будет. Спустил курок и протянул ему «наган» рукояткой вперед.

Глава 2

Ну, думаю, если ошибся, он меня сейчас с этого «нагана» и положит. Был старший сержант Малахов – и сплыл в голубой туман. И ни одна зараза даже имени моего не узнает – документы-то старшина перед выходом собрал.

Командир высокий улыбнулся, взял «наган», Трофиму перекинул и руку мне протягивает.

– Ты правильно решил, воин, – говорит. – Пойдем. Я приглашаю тебя разделить с нами ужин.

Ладно, пойдем, думаю. Тем паче что я, считай, сутки без еды. Как вчера перед выходом поели, так с тех пор во рту даже крошка не ночевала. На островке тогда как раз собрался сухпак погрызть – и началось. А на сытый желудок и помирать веселее.

Оглянулся на рыжую – сидит, как сидела, словно и не было ничего, положил нож на сиденье и вылез из машины.

– Ладно, – говорю, – пошли. Поглядим, какие у вас тут пироги раздают.

Отошли на десяток шагов – тут рыжая и проснулась.

– Отец! – а голос аж звенит от возмущения.

Командир оглянулся, брови свел, сурово так на нее посмотрел. Ну, думаю, сейчас он по ней начнет из тяжелых гвоздить, не глядя, что дочь. А может, именно потому, что дочь.

– Карален! Ты воспользовалась Тайными Тропами, не имея на то дозволения. Ты дважды позволила застать себя врасплох. И если бы этот воин пожелал – ты дважды была бы мертва. Дважды, Карален! Подумай над этим.

Сказал, как высек. Развернулся и дальше зашагал. Тот еще отец.

Только я успел пару шагов сделать, как в спину, словно выстрел, окрик:

– Стойте!

Оглянулся – рыжая ко мне идет, походка танцующая, а в глазах слезинки блестят, и нож в руке за лезвие держит. Подошла ко мне и звонко, на весь двор заявляет:

– Я, Карален Лико, по долгу крови и чести признаю тебя, воин без имени, своим господином и клянусь служить тебе верой и правдой до тех пор, пока не верну долг. И пусть гнев богов падет на меня, если я нарушу эту клятву.

И нож мне протягивает.

Я на синеглазого покосился – молчит, зараза, в сторону смотрит и в бороду себе усмеяется. Ну и влип же я!

– Слушай, – говорю, – брось ты эти дворянские заморочки. Верни мою финку, ту, что в сапоге была, и считай, что мы в расчете. А господином меня отродясь не обзывали.

Рыжая аж вздрогнула.

– Ты оскорбляешь меня, воин. Моя жизнь стоит дороже какого-то ножа.

– Так ведь, – говорю, – смотря какой нож. Этот мою жизнь спасал побольше, чем два раза.

Нож и в самом деле хороший. Рукоять наборная, из черного плексигласа, баланс – замечательный. Как мне его в 42-м подарили, так с ним и хожу.

Рыжая на меня косо так посмотрела, наклонилась и вытащила финку из сапога.

– Возьми. Но клятва моя остается в силе.

Вот ведь привязалась.

– Ну и что ты теперь делать за меня будешь? – спрашиваю. – А, слуга? Сапоги чистить или тарелку подносить?

А рыжая на меня странно как-то глянула и отчеканила:

– Все, что прикажешь!

Хм. Это как же понимать? Приказать-то я много чего могу, с меня станется.

– Я думаю, воин, – вмешался командир, – что нам стоит поторопиться, если ты не считаешь есть суп остывшим. А тебе, Карален, если ты и в самом деле собралась прислуживать за столом или хотя бы находиться за ним, не мешало бы переодеться.

Рыжая подбородок вскинула, четко развернулась и зашагала прочь походочкой своей танцующей. Черт, до чего красивая все-таки девчонка – глаз не оторвать. Я бы так стоял и любовался, если бы мне папаша руку на плечо не опустил.

– Пойдем, воин. А то ужин и в самом деле остынет.

Ну, я и пошел. Ремень свой только по дороге прихватил.

* * *

Суп у них неплохой оказался. Густой, вроде как из горохового концентрата, но вкус другой. А хлеб дрянной, даром что белый. Я, правда, белый хлеб последний раз еще в госпитале ел, но вкус запомнил. А этот – пресный какой-то, явно не доложили чего-то.

Кроме меня, за столом еще четверо было. Сам командир – его, оказывается, Аулеем звали, жена его Матика – копия дочки, только, понятно, постарше. Хотя если бы не сказали, в жизни бы не поверил, что она ей мать. Ну, не выглядит она на свои сколько-ей-там. Сестра старшая – да, но не мать.

Сама Кара в синее платье переделалась. Сидит, губы надула, на стену уставилась, за весь ужин и двух слов не сказала. Вылебала тарелку и умчалась – только волосы рыжие в дверях мелькнули.

А четвертый – священник местный, отец Иллирий. Тот еще поп, доложу я вам. Лет ему под сорок, борода седая, ухоженная, и волосы все седые, словно мукой посыпанные. Одет как все, только вместо меча посох у него дубовый. И по тому, как этот посох полирован, сразу видно – батюшка им при случае так благословит, что никому мало не покажется.

А глаза у этого священника добрые-добрые, прямо как у нашего особиста, майора Кулешова. Мы с ним еще в апреле, помню, крепко поцапались. Командованию тогда «язык» позарез был нужен, вторую неделю никаких сведений о противнике. Ну, ребята пошли и при переходе на немецкое боевое охранение напоролись. И началось – комдив орет, начштаба тоже орет, а капитан, он ведь тоже не железный – трое убитых, четверо раненых, – не сдержался, всем выдал по полной и особисту с начразведотдела заодно. Вот начразведотдела, по совести говоря, как раз за дело досталось – переход он должен обеспечивать. Хотя и комбат, и артиллеристы с НП клялись и божились – не было до той ночи никакого охранения. Тоже может быть – на войне и не такое случается. В общем, дело замяли – чего уж там, все свои, а «языка» мы через три дня добыли. Спокойно пошли и добыли. Без всякой ругани. А Кулешов, кстати, он тоже мужик ничего, даром что на собачьей должности. Походил недели три волком – он нас в упор не замечает, мы его, – а потом все в норму вошло. А вообще, среди замполитов, по-моему, сволочей ничуть не меньше. Да и среди всей остальной тыловой шушеры тоже. На передовой просто им деваться некуда – мина, она ведь не разбирает, плохой ты, хороший, жена у тебя законная в Москве или ППЖ в санзводе – всех подряд выкашивает.

Так я и говорю, глаза у этого священника точь-в-точь как у майора Кулешова – добрые, с хитринкой. Поверишь – пеняй на себя. Проглотит и даже звездочку с пилотки не выплюнет.

Дохлебал я суп, хлеб догрыз, сижую, дно тарелки изучаю. Тарелки у них, кстати, алюминиевые. Ложки деревянные, а тарелки алюминиевые. Но не такие, как у нас, а самодельные, из самолетного дюрала. Наши из него портсигары наловчились клепать, а здесь – тарелки.

Аулей свой суп тоже доел, ложку отложил, а тарелку с поклоном жене передал.

– Спасибо, – говорит, – хозяйка, тебе и богам нашим за пищу эту.

Ну, я тогда тоже встал, пробормотал чего-то типа «мир дому вашему» и сел. Странные у них тут все-таки обычаи. Хотя, со стороны смотреть, любой обычай странный.

Аулей только в усы усмехнулся.

– Вижу, воин, – говорит, – что не терпится тебе задать нам множество вопросов.

– Во-первых, звать меня Сергей Малахов или, в крайнем случае, товарищ старший сержант. Во-вторых, вопросов у меня много, но у вас их, по-моему, не меньше. Вот вы и начинайте. Я ж у вас гость, а не вы у меня.

– Хорошо, Сегей. Как ты думаешь, куда ты попал?

Хороший вопрос.

– Теряюсь в догадках, – отвечаю. – Европа, а точнее... ноль да семечки.

Эти трое за столом меж собой переглянулись, понимающе так, Матика на меня и вовсе жалостливо поглядела, и от этих взглядов мне сразу резко не по себе сделалось. Черт, думаю, если это не Европа, так куда ж меня занесло? В Папуа-Новую Гвинею, на остров имени товарища Миклухо-Маклая?

– Боюсь, Сегей, – начал Аулей, – что тебе будет очень сложно поверить в то, что я поведаю тебе. Да и мне, признаться, сложно говорить о вещах, в которых я, простой рыцарь, что греха таить – почти несведущ.

– Ну, так уж и несведущ, – перебил его Иллирий. – Вы наговариваете на себя, мой добрый Аулей, а это тоже грех. Во-первых, вы не простой рыцарь, а во-вторых, вашему образованию могут позавидовать очень и очень многие.

Черт! Что эта парочка за комедию ломает?

– Самое главное, Сегей, – мягко сказал Аулей, – ты в другом мире.

Ну все, приехали! Хватай мешки – вокзал отходит!

– Это где ж, – спрашиваю, – на Марсе, что ли? А до ближайшего канала далеко?

– Марс – это что?

– Планета это такая, – говорю. – Ближайшая, насколько помню, к Земле. Есть еще и Венера поблизости, она, кстати, еще больше подходит. Тоже все время облаками закрыта.

– Эти планеты, – отвечает Аулей, – как и твоя родина, сейчас одинаково далеки от тебя.

– Как же, – говорю. – Вы, значит, добрые дяди с далекой звезды, у вас давно полный коммунизм и межзвездное сообщение, а весь этот металлолом на себе вы таскаете для съемок исторического полотна о темных веках. И сожженная деревня – это тоже часть декораций, а скелеты из папье-маше, только сделаны очень хорошо, потому и выглядят как настоящие. А» Додж» вы сперли, потому что у вас подлинного реквизита не хватает.

Ох, и разозлили они меня. Я даже слова вспомнил, которые со школы не употреблял.

– Не совсем так, – говорит Аулей. – Наш мир находится рядом с твоим, но, как бы это лучше сказать, за поворотом.

Ловко. Вышел, значит, в булочную за хлебом, завернул за угол – и на тебе – другой мир. Ни Гитлера, ни Черчилля, ни даже товарища Сталина. Одни мамонты по деревьям скачут.

Только вот чувствую – волосы у меня на загривке чего-то шевелиться начинают. Очень уж много вещей, которые разумно не объяснить – а в эту легенду они, как в родной ствол, укладываются.

Спокойно, думаю, Малахов, только без нервов. Ты же разведчик, вот и действуй соответственно. Вспомни, что тебе капитан говорил.

Вспомнил. Говорил наш капитан: «В большинстве своем самые непонятные на первый взгляд случаи имеют самое простое и обычное объяснение». Только добавлял при этом: «А если все простые и понятные объяснение не срабатывают, значит, истинным является оставшееся, каким бы невероятным оно ни казалось».

Конец цитаты.

– Ладно, – говорю, – допустим. Не скажу, что я вам так вот сразу и поверил, но, пока других версий нет, принимаю вашу как рабочую. – Ну, точно как капитан заговорил. – Вы мне вот что объясните. Если ваш мир рядом, да так, что я в него запросто угодил, почему же между нашим и вашим до сих пор регулярное сообщение отсутствует? У вас ведь тут, я смотрю, много нашего добра – и «Додж», и Трофим, и самолет на тарелки. А про ваш мир я что-то до сих пор не слыхал. Или у вас вход рубль, а выход – два?

– Дело в том, – говорит Аулей, – что в вашем мире идет война. Как и в нашем, но ваша война гораздо страшней, ужасней, больше. Настолько больше, что нам здесь даже не удается представить, как можно дойти до такого.

Как-как. От хорошей жизни, разве не понятно?

– И та боль, тот ужас, – продолжил Аулей, – которые каждый миг выплескиваются там, у вас, истончили преграду между мирами. Поэтому от вас к нам попасть действительно намного проще. У нас тоже идет война, тоже горе и ужас, но до *такого* мы пока не дошли. И спасибо богам хоть за это.

– Это что ж, – говорю, – выходит? Получается, все, что у нас там без вести пропало, сюда к вам сыплется? К вам танковые корпуса три года назад не забредали случайно? А дивизии этим летом?

– Все не так просто. Преграда между мирами еще есть. И для того чтобы ее преодолеть, нужно много...

– Энергии, – подсказал отец Иллирий.

– Интересно. Что-то я не припомню, как меня к электростанции подключали.

Сказал я это, и тут меня в самом деле словно током ударило. А мина из шестиствольного! Реактивная дура в пятнадцать сантиметров! Все верно – осталась от старшего сержанта Малахова одна дымящаяся воронка. Уж там-то этой самой энергии было – отбавляй сколько хочешь!

Видок, наверное, был у меня в этот момент – как будто мне эта мина только что на голову свалилась. Поэтому жена Аулея надо мной и сжалилась.

– Довольно вам, двоим, – говорит, – человека мучить. Ему сегодня и без вас немало досталось. – И мне: – Пошли, Сегей. Кровать у нас в гостевой хорошая, а утром всегда легче. Ага. Особенно когда с утра на расстрел ведут.

* * *

Проснулся я, лежу себе, глаз не открываю. Надо же, думаю, какая только муть человеку присниться может. Или это меня лихорадка треплет, а лежу я у доктора в землянке. Очень похоже, тем более что не будит меня никто, команду «подъем» на ухо не орет.

А так сон ничего был, особенно рыжая эта. Вот выздоровею, думаю, надо будет и в самом деле с дивизионным слабым полом поближе познакомиться. А что, нам, разведчикам, это просто. И подарочки из трофеев, и орденов с медалями полная грудь – одалживать не надо, и времени свободного навалом. Когда не на задании. А то и в самом деле смех один – двадцать второй идет, сколько раз со смертью в обнимку по немецким тылам хаживал, а с девчонкой ни разу еще толком не целовался.

Открыл глаза – а надо мной потолок каменный.

Я как вскочил – чуть об этот потолок макушкой не въехал. Приземлился на пол, гляжу – точно, на эту самую кровать меня вчера Матика и уложила. А вот и форма рядом лежит сложенная, и сапоги рядом стоят.

Значит, не сон все это. Значит, наяву все было. И островок, и замок, и деревня, и Кара рыжая.

Ох, думаю, ну и влип же я.

Ладно. Оделся, выглянул в коридор – никого. Вышел и только успел до лестницы дойти, глядь – рыжая. В засаде сидела, не иначе.

Смотрю – вырядилась она сегодня прямо как на бал. Сапожки красные, юбка коричневая, мягкая, в складку. Короткая юбка, еле колени прикрывает. А сверху то ли рубашка, то ли блузка – не разбираюсь я в этих дамских шмотках – белая, с длинными рукавами и вырез глубокий, с отворотами. Я на эту блузку секунд пять пялился, а потом дошло – да это же шелк парашютный! У нас, когда фриц со сбитого «Юнкерса» прямо на землянку свалился – дохлый, правда, зенитчики постарались, – мы тоже этот парашют оприходовали. Кто на что, а один дурик на портянки.

– О, – говорю, – гутен морген, фройляйн. Ты чего здесь с утра делаешь?

– Тебя жду, – отвечает. – Мне, как верному слуге, подобает всюду следовать за своим господином, – и глазки опустила.

Ну, вот, опять за свое.

– Ладно, – говорю, – охота тебе и дальше из себя дурочку разыгрывать – дело твое. Получи тогда первое задание – вывести меня во двор, пока я в этих коридорах не заблудился.

– С радостью, господин, – и улыбается. – Идите за мной.

– И вот что, – говорю. – Еще раз услышу, как ты меня господином обзываешь – не посмотрю, что ты девчонка и дочка хозяина. Или Сер-гей, через эр, или Малахов, или товарищ старший сержант. Ясно?

– Ясно, Сер-гей, – отвечает. – А меня – Карален. Для некоторых – Кара. Но не для тебя.

Повернулась и пошла. Идет, а походочка у нее, словно у гимнастки на канате – залюбуешься. И фигурка вся такая стройная, ладная – глаз не оторвать.

Помню, когда я второй раз в госпитале валялся, на соседней койке один старший лейтенант лежал. У нас с ним даже ранения почти одинаковые были – проникающее правой половины грудной клетки. Только в меня пулеметная навyleт, а в нем автоматная застряла. Так вот лейтенант тот, даром что годов ему едва за тридцать, знатоком искусствоведенья оказался. Перед войной в Ленинграде лекции студентам читал. У него даже степень была, не то кандидат, не то доктор, не помню уже. Он и мне, олуху, пока вместе лежали, тоже все о живописи рассказывал, да так, что заслушаешься. И про мастеров Возрождения, и про фламандскую школу, и про Шишкина с Репиным. Все жалел, что репродукции картин вместе с вещмешком пропали – показать ничего не мог.

Я тогда еще все удивлялся – как же он на передовую-то угодил. То есть он-то понятно – в первые же дни добровольцем пошел, а в военкомате куда смотрели? Не могли такого человека куда-нибудь в тыл к бумажкам приспособить? Мало без него, что ли, Ванек-взводных? Три дня повоевал, на четвертый могилу роют. А по канцеляриям всякая шушера сидит, даже свое прямое дело – бумажку написать – и то правильно не могут, в трех буквах путаются. Сержанта нашего, Федоренко, то Федыренко, то Федуренко, а один раз и вовсе Ведорьянкой записали. Грамотеи хреновы, только и умеют, что наградные листы друг на друга заполнять.

Так вот, среди прочего мне этот лейтенант рассказывал, будто идеал женской красоты в обществе – слова-то какие – тоже зависит от того, мир или война на дворе. Причем, если в мирное время красивыми считаются стройные и худенькие, тип «мальчишка», как он сказал, то в войну наоборот – чем больше, чем лучше. Он мне целую теорию размотал – мол, из-за убыли населения более ценной считается та женщина, которая больше к деторождению приспособлена. Так и сказал. Не знаю, не знаю, к науке я, конечно, уважительно отношусь, но только люди, они ведь тоже разные. Может, для какого-нибудь сержанта Прокопченко из Запойска повариха тетя Валя, фугас наш ненаглядный, и в самом деле вершина красоты и всего остального, а по мне, так вот такая Кара – в самый раз. И вообще она не худая, а с мальчишкой ее даже слепой в темноте не перепутает. А всякие там необозримые просторы – это ж никакой материи на форму не напасешься.

Ладно. Спустились мы вниз, в зал какой-то. Гляжу, а на стене зала ковер, и не просто ковер, а настоящее батальное полотно во всю стену. Бородинская панорама. Причем вышито так – пока ближе не подойдешь, от картины не отличишь. Рыжей-то ничего, она на эту вывеску уже давно нагляделась, дальше идет, а я уставился, как на карту из немецкого штаба.

– А ну, стой, – говорю, – дай произведением искусства насладиться.

Вообще-то с художественной точки зрения вещь малоценная. Никакой тебе перспективы с пропорцией, один передний план. И рожи у всех однообразные, как у святых на иконах. Зато выткано все на совесть, сразу видно – настоящий мастер работал, нитка к нитке. И называется эта штука, вспомнил я, гобеленом. Мне тот лейтенант тоже про них рассказывал.

Но меня-то больше другое занимало – кто с кем воюет. Свои, я так понял, в большинстве люди. Ратники там всякие, в светлых кольчугах, шлем типа буденовки, тридцать три богатыря, одним словом, и батька Черномор впереди. Потом еще деды какие-то длиннобородые в синих халатах и шапках сосулькой – эти больше шары огненные мечут вместо полевой артиллерии. Ну, командиры под хоругвями мечи вздымают, лучники с холмов стрелами вовсю поливают и так далее. А у противника кого только нет. И карлики какие-то лопухие зубастые, и скелеты с мечами наперевес, и броненосцы черные, вроде тех, что за мной скакали, и еще куча не поймешь кого, но больше всего зеленых громил с дубинами. Тех самых, я так понял, чьи скелеты я в деревне видел – челюсть вперед и клыки из пасти.

А вообще, так себе бой, даже если одного за десять считать, все равно с обеих сторон и дивизии не наберется.

Насмотрелся я на все это дело, и у Кары спрашиваю:

– Это у вас что? Куликово поле или Ледовое побоище?

Девчонка, похоже, обиделась.

– На этом полотне, – говорит, – мастером Постаром запечатлена в назидание потомству битва у Соловьиных холмов, где король Сварог со своей верной дружиной и светлыми магами, что пришли ему на подмогу, встал против темных полчищ...

Я не выдержал и перебил.

– Ты мне, – говорю, – сообщение от Совинформбюро не зачитывай. Говори конкретно – кто победил, какие потери, как после битвы оперативная обстановка складывалась?

– Победа была на стороне Света, – Кара вздохнула. – Но павших с обеих сторон было без счета, и сам король Сварог тоже был в их числе. Зато силы Тьмы надолго лишились былой мощи, и это...

– Стоп, – говорю. – Опять текст от Левитана пошел. Сказал же, говори конкретно. Что значит – павших без счета? Выжившие-то были? Ладно, вражеские трупы посчитать не удосужились, но свои-то потери можно было узнать? Списочный состав дружины до боя минус оставшиеся – вот и вся арифметика. А то – во второй линии пехоты вражеской без счета и до полутора танков. Что это за доклад? Потом – «надолго лишились былой мощи». Насколько? Ты числа называй. Ферштейн?

У рыжей глаза растерянные сделались и губы задрожали.

– А я не знаю, – говорит. – Когда мне рассказывали, то всегда говорили про Великую Победу Света над Тьмой и...

– Морально-политическая подготовка, – говорю, – дело важнейшее, не спорю, но и одной ей ограничиваться тоже не годится. Кроме диалектики, хорошо бы тактику со стратегией. Война, она, знаешь ли, счет любит.

Ага. Смертям особенно.

– Но я и в самом деле не знаю. Была большая битва и... а потом нам уже про короля Фуко рассказывали, как он с властелином Водером воевал.

– Ох уж мне вся эта церковно-славянская история, – говорю. – Одни короли да князья. Король Сварог и дружина его при нем. Ладно хоть сам лег, не просто войско положил, а то был бы поход Игоря на половцев.

Кара голову гордо так вскинула.

– Король Сварог, – заявляет, – великий герой. Он бился в первых рядах своего войска.

– Может, и герой, – говорю, – спорить не буду. Да только герой и полководец – это, как выяснилось, вещи иногда разные. То, что человек первым из полка в немецкую траншею ворвался, это еще далеко не значит, что он этим полком командовать может. И в первых рядах – звучит, конечно, здорово, а вот сзади постоять, да не одному, а с резервом и в нужный момент в дело его ввести, как, например, Александр Невский, тоже, между прочим, князь – это иногда дороже стоит.

– Во главе войска, – заявляет Кара, – должен стоять самый достойный. Благородные рыцари высокого происхождения никогда не потерпят...

Нет, думаю, надо будет обязательно ей ликбез устроить. Совсем у девки головка феодальными предрассудками засорена.

– Достойный, – замечаю, – это, конечно, правильно. Да вот только как определить, кто самый достойный? По морде друг друга лупить и смотреть, кто на ногах последний останется? Так ведь таким способом можно узнать, у кого башка самая чугунная. Папа твой, я уверен, тоже командиром стал не только потому, что лучше всех мечом махал.

У него-то наличие мозгов сразу заметно. В отличие от дочки.

– Все наши короли были героями!

Сколько я историю помнил, такой замечательной династии в моем мире не наблюдалось. Пара-тройка сносных личностей была, но большинство – алкаши и прочие дегенераты. Может, конечно, тут у них с этим получше дело обстоит, но что-то сомневаюсь я в этом.

– Героем, – говорю, – как я уже сказал, быть хорошо. Я и сам бы с превеликим удовольствием золотую звездочку на грудь повесил для комплекта. Да вот только война ваша уже сколько тянется? А?

Молчит.

– А насчет победного перелома как? – интересуюсь.

Тожe молчит. Мне даже совестно стало. В самом деле, думаю, что ты, Малахов, к девчонке пристал, историческими примерами заваливаешь. Ты ей еще марксистко-ленинскую диалектику начни излагать. То есть объяснить бы, конечно, надо, и не только ей, но начинать-то надо с азов, да и в обстановке сначала следует разобраться. И, по совести говоря, какой с тебя, Малахов, политрук, то есть замполит? Никакой. Я ведь даже к собранию сочинений товарища Сталина еще не подступался, а уж про Ленина или Маркса с Энгельсом и вообще вспоминать нечего. А секретарем меня потому выбрали, что из всех комсомольцев в разведротe только я один и могу протокол собрания без ошибок записать. Опять же насчет победного перелома – попробовал бы ко мне в 42-м кто-нибудь с такими речами полeзть – чего это, мол, ты, Малахов, через Дон к Волге топаешь? Что б я ему ответил? Дал бы в морду, а то и вовсе – как провокатора.

– Ладно, – говорю. – Извини. Как говорил наш капитан: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Я...

Вообще-то это он Шота Руставели нам цитировал, но они же тут «Витязя в тигровой шкуре» не читали.

– А ты, – говорит рыжая с вызовом таким в голосе, – лучше бы накомандовал.

– Так я ведь, – плечами пожимаю, – в командиры и не лезу. Вам бы, – говорю, – Суворова Александра Васильевича сюда, то же граф и князь, или хотя бы Мономаха с его фуражкой. А вообще – давай сворачивать этот разговор, а то мы тут до ужина поспорим. А я еще и не завтракал, между прочим.

Рыжая, видно, еще что-то обидное сказать хотела, но вспыхнула и промолчала. Развернулась и пошла, только плечом презрительно так дернула.

Вышли мы наконец во двор. Солнца, как вчера, не было, так и сегодня нет, все облака серые висят. Впрочем, когда погода нелетная, оно, может, и к лучшему, но все равно на душе муторно. Народу во дворе почти не видно, только в конюшне троюлька навоз лопатами ковыряет, да и то словно мухи сонные.

Ну, я огляделся и направился напрямиком к «Доджу». Есть у меня такая заветная струнка – люблю с техникой повозиться. Может, оттого, что в пехоте все больше приходилось на своих двоих топтать, а уж в разведке и подавно. Так что как только выпадает свободный часок, кто куда, а я к машинам. Там уже и шофера все знакомые и командиру ихнему я трофейный «вальтерок» презентовал, в общем – свой человек. Ну и поднатаскался соответственно. Наши там «газики» и «ЗИСы», союзнические, да и трофейные тоже. Не с закрытыми глазами, конечно, но если покопаться... Думал, вот кончится война, получу права любительские, добуду какой-нибудь трофейный «Хорьх», а еще лучше – списанный «Виллис», приведу в божеский вид и буду на нем кататься. А-а, да что уж там теперь вспоминать.

Открыл я капот, нырнул, гляжу – вроде все в порядке. Провода все на месте, ничего нигде не болтается, дыр от пуль тоже не видать. Аккумулятор новый, как и сам «Додж». Уровень масла проверил – все в норме. А заводиться не хочет.

– Вы, – у рыжей спрашиваю, – ничего с ним не делали?

– Нет, – говорит, – как приволокли, так и стоит.

Я в бак сунулся, понюхал, даже на язык попробовал – бензин. И вроде без всяких примесей.

– Точно, – спрашиваю, – никакой своей гадости залить не пытались?

– Да не подходил к нему никто.

Ага. Во ист ди ауторепаратуреверкштат?¹

Ладно. Полез в кузов. Откинул брезент, гляжу – ни черта ж себе. Хозяйственный, видать, шофер на этом «Додже» ездил. Тут тебе и запаска, и две канистры полные, и еще одна маленькая, с маслом, а в ящике с инструментами чего только нет! Даже фара и полный комплект свечей.

Под ящиком коробка с сахаром обнаружилась. Американский, пиленый, к нам в дивизию тоже такой поступал. Только редко мы его видели – завскладом наш, майор Панкратов, тот еще жук – снега зимой не выдаст без бумажки от комдива, да и с ней будет три часа накладные оформлять, на каждую снежинку отдельную. Сколько с ним наш старшина маялся, когда надо было форму новую получить!

– Я, – говорил, – лучше три раза к немцам в тыл на брюхе сползаю, чем один – к Панкратову на склад пойду.

Сахар я пока оставил. Взял только один кусок себе, а второй Каре кинул. Она его поймала, стоит, в руках вертит.

– Что это? – спрашивает.

– Это, – говорю, – сахар. Его едят. Он сладкий. Берешь и грызешь, как белка.

И сам пример показал.

Рыжая на меня глазами подозрительно сверкнула, но послушалась. Захрустела.

– Ой, – говорит, – вкусно как.

Девчонка.

– Жаль, – говорю, – эскимо этот тип не значил. Какое у нас эскимо было перед войной – съел, и умирать не жалко. Я все мечтал им одну девчонку из нашего класса угостить, да так смелости и не набрался.

¹ Где находится ремонтная мастерская?

Да. Много у нас чего перед войной было. Да сплыло одним июньским утром.

– А нам, – говорит рыжая, – тоже один раз ваши сладости привозили, в блестящих железках. У-гу-щен-ка.

– Сгущенка, – говорю. – Мы там воюем, а вы, значит, ленд-лизовскую сгущенку лопа-ете и тушенкой заедаете. Неплохо устроились.

Сунулся я снова под капот. Заменить, что ли, свечи, думаю, раз все равно запасные лежат. А чего еще делать? Ну а если и это не поможет, придется всю проводку проверять – та еще работенка.

Поменял, сел за руль, провернул ключ, и что б вы думали – «Додж» завелся! С пол-оборота завелся! А я-то голову ломал.

– Эй, – Кару зову, – слуга верный. Садись давай, прокачу с ветерком.

Рыжая на соседнем сиденье устроилась, и проделали мы с ней круг почета по дворику. Я еще на клаксон нажал напоследок и заглушил.

На шум из дверей народ повысыпал. Глазуют, но близко подходить боятся. А рыжей хоть бы что: довольная – смотреть приятно. Особенно в вырез блузки.

Аулей тоже вышел. Обошел вокруг пару раз и стал рядом.

– Ну, командир, – говорю, – принимай машину. Я ведь говорил вчера, что она только у вас не заводится.

Синеглазый усмехнулся.

– То, что он начал двигаться, – говорит, – это очень хорошо. А скажи, Сегей, без тебя он тоже двигаться будет?

– Если найдете, кого за руль посадить, – отвечаю, – запросто. Но только пока бензина хватит. А хватит его часов на шесть.

– Бензин – это то, чем он питается.

– Именно, – говорю. – Причем жрет не хуже танка и предпочитает покачественней. У вас со снабжением как дело обстоит? А то у нас неделю назад склад ГСМ к чертям собачьим разбомбили, к вам случайно ничего не перепало? Вюрден зи мих, битте, бис цур нахстен танкшелле².

– А можно, – спрашивает, – посмотреть, как этот бензин выглядит?

– Запросто, – и канистру ему протягиваю.

Аулей в канистру заглянул, приняхался, на ладонь немного плеснул.

– У нас, – говорит, – масло есть похожее. Довольно много. Надо ему предложить, может, он захочет им питаться.

– Ну, это вряд ли, – говорю. – Это ж американская техника, она что попало жрать не будет. Давайте лучше пока на том, что есть, покатаемся, а то ведь мотор запороть можно элементарно, а толку?

И тут Кара в разговор встречается.

– А пусть, – говорит, – с ним кузнец наш побеседует. Может, он его и уговорит масло есть вместо этого бенджина.

– Ага, – говорю, – знаю я эти уговоры, с помощью кувалды да какой-то матери, нави-дался. Кувалда, она, конечно, вещь в хозяйстве очень полезная, особенно когда траки на КВ часто менять приходится, но, может, лучше все-таки подождем, пока бензин кончится?

Аулей, похоже, на эти слова малость обиделся.

– Зря ты так говоришь, Сегей. Ты свое мастерство нам показал, позволь теперь и дру-гому мастеру свое умение испытать.

– Ладно, – говорю, – мое дело предупредить. Зовите вашего кузнеца, поглядим, что после него останется.

² Возьмите меня, пожалуйста, на буксир до ближайшей бензоколонки.

Вылез из машины, стал в сторонке. Но в душе обидно все-таки. Ну, разломают они «Додж», думаю, а мне опять на своих двоих топать. Бензином-то я где-нибудь, глядишь бы, и разжился. В кавалерию, что ли, теперь подаваться, в червоны казаки?

Приходит кузнец. Кузнец как кузнец, первый нормальный с виду человек, которого я пока здесь повстречал. Фартук на нем кожаный, борода окладистая – как он только искр не боится. Кувалду, кстати, не приволок и вообще ничего из инструментов не взял. Мне даже интересно стало – что ж он делать-то голыми руками собрался? Руки, правда, здоровые, словно две клешни, как зацапает, мало не покажется.

Походил он вокруг «Доджа», под днище заглянул, рукой пару раз по бортам провел и ко мне поворачивается:

– Оживи его.

Я чуть на землю не сел.

– Это как? – спрашиваю. – Спирта ему в бак залить?

А Кара меня локтем в бок толкает:

– Ты же это только что делал.

– Что?

Рыжая на меня посмотрела, как на слабоумного, вскочила за руль и ключ дернула. Ничего у нее, конечно, не получилось, заглохло сразу.

– Завести его вам, что ли? – спрашиваю.

– Ну да, – кивает, – оживить.

Дурдом.

Ладно, думаю, играйтесь дальше. Завел мотор, кузнец этот прислушался, кивнул одобрительно, сел перед радиатором на корточки и чего-то шептать принялся.

Ну, думаю, точно цирк. Сейчас он встанет и скажет, что обо всем договорился. Тоже мне, Вольф Мессинг.

– Он, – говорит кузнец, – согласен есть наше масло, но у него два условия есть.

Ну, точно.

– Первое, – говорит кузнец, – чтобы управлял им только он.

И на меня показывает.

Все верно, думаю, правильно мыслишь. А кто ж еще тут может? Кара, та возьмется, но – до ближайшей стены.

– И второе. Он хочет, чтобы у него было имя. По названию одной из провинций его родины.

Ха, думаю, а это уже забавно. Кто этому кузнецу про Америку успел разболтать, неужто Трофим?

– Я не совсем его понял, – продолжает кузнец, – Арзона или Арзена.

– Аризона, – говорю.

И тут «Додж» фарами мигнул.

Я чуть на землю не сел. А этот-то фокус, думаю, кузнец как провернул? Он же внутрь капота не залезал и вообще машины почти не касался.

А тот довольный стоит.

Ладно, думаю, раз я уже сюда угодил, а медперсонала пока не видно – попробую сыграть по их правилам.

– Ладно, – говорю, – тащите сюда ваше масло.

И к «Доджу».

– А ты, – говорю, – если на этом масле хоть десять метров проедешь, возьму баночку с белой краской, которая у тебя в кузове стоит, и на обоих бортах большими белыми буквами намалюю: «А-Р-И-З-О-Н-А».

И тут фары опять мигнули.

Черт, но не могло же мне два раза подряд примерещиться!

– А ну, – говорю, – включи обратно.

Зажглись.

Я на всякий случай между кузнецом и машиной шагнул, носком сапога, вроде как нечаянно, землю прочертил – нет никаких проводов.

Черт, думаю, но должно же быть всему этому какое-то нормальное объяснение. Только вот кто бы мне его на ухо прошептал, пока я тут окончательно не свихнулся.

Нет, ну можно, конечно, радио какое-нибудь к фарами приспособить и на кнопочки себе в кармане нажимать. Только нет у этого кузнеца карманов, и руки он на виду держит. И устройства хитрого под капотом нет, только что смотрел. Разве что с блоху размером. А в оживший «Додж» я поверю не раньше, чем в радиоблоху.

Глава 3

Ладно. Приволокли они бочонок со своим маслом. Я посмотрел – точно, на бензин похоже, тоже прозрачное. Залил в бак, помешал еще. Сел за руль, ключ провернул – завелся! Газом поиграл – рычит вовсю.

Черт, думаю, может, оно там все поверху плавает?

– А ну, – говорю рыжей, – садись на мое место и вот эту педаль нажатой держи. И не вздумай еще чего-нибудь коснуться.

Вылез, снова в баке палкой поворошил – нет, смотрю, растворилось все.

Ну, думаю, или они мне под видом масла авиационный бензин подсунули, или... А вот про второе «или» лучше пока не задумываться. В целях личного душевного равновесия. Заглушил мотор, стою, рисунок протектора изучаю.

А Аулей улыбается.

– Вот видишь, – говорит, – Сегей. А ты сомневался.

– Я и сейчас сомневаюсь, – отвечаю.

– Право твое, – говорит, – но поскольку этот, хм, железный конь потребовал, чтобы его наездником был только ты, прими его от меня в дар. Хотя, – усмехается, – ты и так имеешь на него больше прав, чем я. Он ведь из одного с тобой мира.

Вообще-то, думаю, что с моего мира упало, то пропало. Но Аулею, понятно, этого не сказал.

А он стоит, не уходит.

– По-моему, – говорит, – ты, Сегей, что-то обещал.

Ну, я-то обещал намалевать в том случае, если этот тарантас десять метров на местном масле проползет. Но не придирайтесь же к словам. Тем более, вспоминаю, что вся эта феодальная братия на клятвах слегка подвинута. И потом, чем леший не шутит, а вдруг эта жестянка и в самом деле обидится.

Добыл из кузова кисть, баночку с краской и большими белыми буквами на обоих бортах намалевал: «А-Р-И-З-О-Н-А».

– Ну, – говорю, – «Додж» по имени «Аризона». Постой пока, а мы посмотрим, на что ты дальше сгодишься.

Хорошо, хоть не «Дуглас» – «Дакота». Летал-то я только один раз на связном «У-2» и то пассажиром.

Ладно. Отошел от «Доджа», огляделся. Народу во дворе уже больше стало, попросыпались. Кто воду из колодца тащит, кто гуся за шею волочет. А в углу напротив ворот гаврики из местного гарнизона мечами машут. Одни деревянными, а другие, что постарше, настоящими, стальными. Да так, что треск и лязг на весь двор.

И тут Кара из-за спины ехидно так спрашивает.

– Не хочешь, – говорит, – и здесь мастерство свое показать?

Вот еще, думаю, делать мне больше нечего. Я последний раз с деревянной сабелькой бегал, когда в третьем класса в Чапаева играли. Да и вообще – толку от этих железяк, если их всех одной очередью положить можно? Я так рыжей и сказал.

– Глупостями, – говорю, – заниматься не люблю и не собираюсь начинать.

А она опять обиделась.

– И что же, – спрашивает, – ты за воин без меча? Так и будешь с одним ножичком ходить?

– Пока мне и ножа вполне хватает, – отвечаю. – А надо будет – я себе оружие добуду, не беспокойся. И вообще, как правильно заметил мой любимый артист Марк Бернес: «Главная деталь любого оружия есть голова его владельца».

Гляжу, а навстречу мне один из двух вчерашних сусликов выходит, светловолосый который, Арчет.

– Что, – спрашивает, – воин, посмотреть пришел?

– Да нет, – отвечаю, – просто мимо проходил.

– Проходил, значит, – усмехается, – ну-ну. А имя у тебя, проходящий мимо нас воин, имеется? Или ты его кому попало не называешь?

– Кому попало не называю, – отвечаю, – а тебе могу назвать. Сергей Малахов. Сергей, через эр.

– Рад познакомиться, – говорит, – Сергей, через эр. А меня – Арчет. Тоже через эр.

– Да я уж вчера запомнил.

Арчет опять улыбнулся.

– Ловко, – говорит, – ты меня вчера кинул.

– Как получилось.

– А вот Олеф, – и на здоровяка кивает, – говорит, что все из-за того, что ты его враспloch застал.

– Очень даже интересно, – говорю. – Он меня, значит, за плечо берет и думает, что я так и буду чуркой стоять. А если в бою ему в брюхе дыру просверлят, тоже будет жаловаться – не предупредили? Дурак он, раз такую чушь мелет, причем больший, чем я о нем до сих пор думал.

Тут этот Олеф набычился весь, грозный вид напустил.

– А ты у нас, – говорит, – великий Мастер, видно. Со спины бить.

Нет, точно, олух полнейший.

– Именно так, – говорю. – Со спины, без предупреждения и чтоб больше не встал. А грудью напролом переть – толку мало. Если, конечно, пули ото лба не отскакивают.

Тут все заржали, а Олеф весь в багровый перекарасился.

– Говорить у нас тут мастеров много. Жаль, в деле мы тебя вчера мало видели. Ты все больше за Карину спину прятался.

Нарывается открытым текстом.

Я на Кару покосился – стоит, небом любит, носком сапога землю ковыряет, вроде не касается ее все это. А сама уши наострила.

– Ладно, – говорю. – Хоть и не люблю я с детьми дело иметь, да, видно, уж судьба мне сегодня такая выпала – дураков уму-разуму учить. Как тут у вас – ринг огораживают или как?

– У нас просто. – Арчет прямо аж до ушей расплылся – знает, чем дело кончится. – Кто первый пощады запросит – тот и проиграл.

Ну, посмотрим.

Я ремень снял, Арчету отдал. Олеф этот до пояса разоблачился – покрасоваться, видно, решил. Глянул я на него – ну, думаю, ни черта ж себе он бугры наел. К гаубице б его, заряжающим. Там как за день покидаешь снаряды по полста кило да заряды к ним не легче... А он тут ваньку валяет.

Вышел он. Ка-ак размахнулся – только воздух свистнул да волосы у меня дыбом стали. А я и не делал ничего, просто в сторонку отошел, за руку его взял и самую малость подтолкнул. Он и растянулся. Вскочил красный, грязь по роже размазывает – и снова на меня. Ну, я опять в сторону отошел и подножку ему поставил – он опять носом траншею прокопал.

А дружки его вокруг хохочут – за бока держатся.

Тут он и в самом деле разозлился. Кидаться больше не стал, лапы растопырил и двинулся. Я его за запястье перехватил, крутанул через бедро – ох и тяжелый же, зараза, – и руку заломил. Он взвыл, дернулся – а фиг тебе, я этот захват отработал – не вырвешься.

– Сдаешься?

Сопит. Я нажим усилил – ни звука. Ладно, хоть так. Пощады не просит – это тоже кой-чего стоит.

– Ладно, – говорю, – живи. Ума наберешься – тогда еще раз придешь. А пока гуляй.

Он вскочил, дико на меня глянул – и припустил так, что только пятки засверкали. Даже одежду свою у приятелей не забрал. А те ему в спину гогочут.

Я за ремнем потянулся, гляжу – а Арчет тоже кольчугу скидывает.

– Малолеток дурных в морду тыкать, – усмехается, – много ума, как ты сам говоришь, не надо. А если всерьез?

Ох, думаю, достали вы меня со своими проверками. А что делать? Я когда в разведроту попал, тоже ведь не сразу своим стал, тоже присматривались – брать на дело, не брать. Дело, оно и есть главная и окончательная проверка. А это все – курам семечки.

Стал он напротив меня, поклонился зачем-то, и двинулись по кругу. Он вправо, я влево. Гляжу я на него, и чем дольше гляжу, тем больше он мне не нравится. Походка у него мягкая, кошачья, и руками он как-то так медленно машет – первый раз такую манеру вижу. К такому просто не подступишься – живо почки отобьет.

Я вообще по всем этим мордобойным делам невеликий спец. Самбо неплохо освоил и бокс маленько. У нас в разведроте парень один есть – мастер по боксу. Правда, мы его больше как массажиста эксплуатировали. Он даже обижаться начал – что вы меня так редко на задания берете, бережете, что ли? Ну а что, автоматчиков по батальонам сколько хочешь нахватать можно, а хороший массажист, он, может, на всю армию один.

Помню еще весной, когда мы во втором эшелоне стояли, к нам один парень из «Смерша» приезжал. Также приемы всякие демонстрировал, стрельбу с двух рук, маятник качал. Со стороны посмотреть – оно, конечно, здорово, да вот только немец в подавляющем своем большинстве косоглазием не страдает и с пистолетом ходит редко, а все больше норovit веером от пуза. Так что посмотрел я на все эти штуки, а сам решил – если у меня автомат будет, я тебя, голубчика, ближе трех метров живым не подпущу. А вообще-то у них своя специфика, а у нас своя. Мы тихо пришли, тихо и ушли. И выстрел в нашей работе – брак.

Ладно, думаю, лирика лирикой, а делать что-то с этим Арчетом надо. А то мы так до вечера по кругу ходить будем.

Решил все-таки бокс на нем испробовать. На самбо он уже насмотрелся, пока я Олефа по двору возил, и теперь будет ждать от меня чего-то в этом роде. А внезапность, как говорит наш капитан, всегда ошеломляет.

Принял я стойку, потанцевал немного, смотрю – ага, остановился, озадаченно так смотрит. А я слева обманный выпад провел, а потом подскочил и выдал серию по корпусу. У него на миг дыхание перехватило, а я подсечку, а сам сверху – и в горло его ткнул, легонько, понятно, просто показать – убит, мол. Вскочил и руку ему протягиваю.

Арчет за руку уцепился, встал, ухмыляется во весь рот и горло потирает.

– Ловко ты меня свалил, – говорит. – Хорошо работаешь. Как эта штука называется?

– Бокс, – говорю, – если что, могу показать. Но только взамен на твою.

– Договорились.

Я к остальным повернулся.

– Ну что, – спрашиваю, – еще желающие есть?

– Есть!

Обернулся – точно, Кара.

– Тебе что, – спрашиваю, – вчерашнего мало?

А она на меня такими невинными глазками смотрит.

– Так то вчера было, – отвечает, – а сегодня уже новый день. Или боишься? – и лукаво так улыбается.

Мне-то, в принципе, все эти подначки мимо ушей проскакивают. Но уж больно она меня разозлила.

– Ладно, – говорю, – давай. Бог троицу любит.

Оглянулся – а олухи по сторонам заранее пасти разинули – спектакль смотреть приготовились.

– Покажи ему, Кара, – орут, – а то зазнаваться начнет!

Ну, хорошо, думаю, глядите. Будет вам сейчас опера в трех действиях, с горячими закусками в антракте.

Эх, мало меня, видно, капитан учил. Сколько раз повторял: «Самое страшное на войне, Малахов, это недооценка противника. Если ты решил, что противник глупей тебя, значит, это он тебя переиграл. Запомни это хорошо, Сергей, а то ведь у тебя действие нет-нет, да мысли опережает».

Мне бы, дураку, вспомнить, как она меня вчера об землю приложила – так нет же. Девчонка наглая, думаю, что с нее взять? Ох, и дурак.

Смотрю – а рыжая уже сапоги стягивает. Стащила, пару раз босыми пятками переступила, а потом раз – взяла и юбку скинула и осталась в одной своей парашютной блузке. А блузка-то короткая, еле бедра закрывает. Зато ноги все на виду.

Я на эти ножки замечательные загляделся, а рыжая тем временем кивнула, подпрыгнула и ка-ак влепит мне с разворота пяткой в грудь – я и улетел метра на два. Встал, отряхнулся, и тут на меня словно рыжий вихрь налетел. От двух ударов кое-как уклонился, третий сблочковал – и чуть не взвыл, всю левую руку до локтя отшиб, – а четвертый пропустил. Ну и снова улетел. Лежу, ножками любуюсь – вид на них снизу просто замечательный открывается, – и до чего мне снова вставать не хочется – просто слов никаких нет. А Кара вокруг меня кругами ходит, точь-в-точь как кошка.

Ладно, думаю, ножки ножками, а делать что-то нужно. То, что она троих таких, как я, запросто раскидает – это уже и ежику понятно. Но ведь и проигрывать-то страх как неохота. Ну, думаю, раз руками не выходит, давай, разведчик, головой начинать работать. А то она из тебя сейчас котлету по-киевски приготовит, на косточке.

Поднялся я кое-как, и только рыжая в стойку стать приготовилась – ка-ак прыгнул! И попал. Пробился за счет массы, называется. Шлепнулись мы наземь, она снизу, я сверху, и тут я ее руками за бедра облапил – и вверх. Как она завизжала!

Сразу все приемы из головки повывлетали. Отмахивается от меня, словно от мухи. Я ее еще по щекам легонько хлестнул и вскочил. Улыбаюсь, а внутри холодно. Ну, думаю, сейчас она меня точно по стенке размажет.

Кара вскочила – лицо от волос не отличишь, ноздри раздуваются – лань трепетная. Та еще лань, под копыто лучше не попадаться. А вокруг хохочут.

И опять я ее сильно недооценил. Зубами скрипнула, блузку одернула и звонко, на весь двор:

– Спасибо за урок, учитель.

И тоже улыбается.

Ох, думаю, а ты, оказывается, у нас еще та штучка. Похуже шпринг-мины.

Вообще, вся эта женская психология для меня – мрак полнейший. Никогда их не понимал, да и не пытался. То ли дело разведка, все просто, все на ладони: вот первая линия обороны, вторая, вот огневые точки, их сектора обстрела – автоматически уже все фиксируешь. А вот батарея зениток восемь-восемь на прямую наводку стрелять изготавилась, и сразу же дальше разматываешь – выставили ее здесь немцы потому, что считают это направление танкоопасным, значит, поле перед ней минами противотанковыми нафаршировано, а те три штурмовых орудия и «тигр», что за пригорком под сетками замаскированы, скорее всего, будут действовать во фланг во-он из той рожицы, недаром от их стоянки прямиком туда колея

ведет. И все понятно. А с женщинами – помню, стоит одна такая, ресницами хлопает: «Извините, товарищ лейтенант, не успела». Всего-то делов – связь проложить. Люди на передовой под обстрелом – успевают, а эта – не успела!

Ладно. Забрал я у Арчета ремень, надел. Рыжая тоже обратно в юбку влезла и стоит. Ровно и не было ничего.

– Ну, хватит, – говорю, – потанцевали, и будет. Ты мне лучше скажи, как тут у вас насчет завтрака?

– А разве ты не у Аулея будешь?

– Да знаешь, – говорю, – не привык я как-то за одним столом с командирами сидеть. Так что покажи лучше, где тут столовка для рядового и сержантского состава?

На самом деле у нас-то в разведоте все за одним столом сидели, и офицеры тоже. Ну, так то у нас, а на новом месте, пока не осмотрелся, лучше устава придерживаться. Спокойнее выходит.

Арчет плечами пожал.

– Как хочешь, – говорит, – пойдем, покажу. Только еда ведь у нас похуже будет, чем у Аулея. Не говори потом, что не предупредил.

– Посмотрим, – отвечаю. – Мне много чего жрать доводилось.

Вещмешок, он ведь не резиновый. Как начнешь на выход собираться – каждый раз головная боль. И НЗ хочется побольше утащить, и диск лишний к автомату сунуть, и гранат. А навьючишь на себя как на верблюда – тоже ведь далеко не утащишь. Да и капитан – в землянке-то он ничего не скажет, но стоит тебе лишний раз споткнуться... Развязал, это, это, это, это – выложил, завязал. Полегчало? Вперед в дозор. Вот и перебиваешься на подножном корме. Я до войны и не знал, что все это в рот брать можно, тем более – что сам хватать буду и еще радоваться, что в брюхе не бурчит.

Привел Арчет меня в местный общепит. Выдали мне миску похлебки, ломоть хлеба и пару овощей каких-то. Похлебка так себе, вроде баланды. Не то чтобы ее едой назвать можно, а, скорее, просто с голоду подохнуть не дает и в животе пустоту заполняет. А хлеб совсем худой. В общем, явно не ауфшнит³ и даже не фиш ин аспик⁴.

Ладно, думаю, похлебаю, может, на обед чего поприличней обломится.

Арчет тоже себе миску взял, напротив меня сел. И рыжая тоже рядом пристроилась. Ну, она-то эту бурду есть не стала. Добыла себе где-то яблоко и грызет. Я на нее покосился – ой, думаю, ничего ж себе яблочки у них тут. Товарищ Мичурин только взвыл бы от зависти. Калибр у этого яблочка миллиметров семьдесят шесть будет, если не все сто.

Хлебаю, а сам все на Арчета поглядываю. Странное у меня при взгляде на него ощущение в голове, словно одна шестеренка за другую не цепляется. А потом вдруг уцепилась.

– Слушай, – говорю, – а ты ведь мне нарочно поддался.

Он на меня спокойно так взглянул, ложку облизал и в сторону ее отложил.

– С чего это ты, – спрашивает, – решил?

– А с того, – говорю, – что в мышцах у тебя на груди пуля запросто завязнет. Ну не мог я такой костяк прошибить, даже если на секунду поверить, что ты и впрямь мою атаку прохлопал.

Светловолосый усмехнулся.

– Так и быть, – говорит, – сознаюсь. Нарочно я твой удар пропустил. Во-первых, посмотреть хотел, чего ты стоишь и чего от тебя ждать можно, а во-вторых... Если бы я против тебя не вышел, на тебя б еще с десятков молокососов полезло, вроде Олефа. Ну, а раз уж ты меня сумел с ног сбить... У одной только Кары храбрости и хватило.

³ Мясное ассорти.

⁴ Заливная рыба.

– За реноме спасибо, – говорю, – а чего я стою, это я тебе как-нибудь потом покажу. Когда автомат раздобуду.

И тут к нам за стол еще один подсаживается. Трофим.

– Здорово, земляк, – говорит. – А чего это ты здесь завтракаешь, а не у господина барона?

Я на него косо так посмотрел. Вроде бы выяснилось, что никакой он не предатель, сгоряча я вчера подумал, а все равно осадок на душе нехороший остался.

– Это у какого барона? – спрашиваю.

– Как это у какого, – удивляется, – у господина барона Аулея Лико? Другого здесь нет.

Ничего себе. Вот уж никогда бы не подумал. Это что ж, выходит, Матика, которая меня в постель укладывала, баронессой числится, а рыжая – баронеткой, что ли?

– Что-то, – говорю, – не очень он на настоящего барона похож?

Тут на меня вся троица уставилась. А Трофим как будто бы даже обиделся.

– А ты что, – спрашивает, – много баронов видел?

– Да нет, – отвечаю, – одного Врангеля, и то на картинках. Если честно, еще одного видел, только больше мертвого.

Лично и положил. Когда на шоссе один раз засаду устроили и легковушку со штабными расстреляли. Гауптмана из отдела связи живым взяли, а майора рядом с шофером я одной очередью и срубил. Капитан, когда потом документы с убитых просматривал, так и сказал:

– Ты, – говорит, – Малахов, оказывается, не просто майора уложил, а барона фон Бромберга, начальника оперативного отдела 17-й танковой дивизии. Три Железных креста имел, один за Францию и два за Россию. Киев и Ростов.

– Ну вот, – говорю, – было три, а теперь и четвертый получит, березовый. Таких крестов мне для них не жалко.

Этим-то я рассказывать не стал. Неудобно как-то при Каре.

– Не сомневайся, – Трофим говорит, – Аулей – барон самый настоящий. Полновластный господин замка Кроханек и прилегающих окрестностей. Я, как в 41-м сюда угодил, так в его дружине и состою.

Тут уж мне обидно стало. Аулей, конечно, с виду мужик хороший, да и дело они тут тоже, наверно, нужное делают, но только больно уж просто этот Трофим все излагает. Будто и не жил никогда при советской власти. Я и говорю:

– Быстро же ты, Трофим, господина себе нашел. И долго, – спрашиваю, – раздумывал, прежде чем в услужение податься?

Трофим еще больше обозлился:

– А ты вообще кто тут такой? Нашелся, понимаешь...

– Я, – говорю, – если уж на то пошло, старший сержант и нашивки соответствующие имею. А ты, Трофим, рядовой красноармеец, и то по тебе этого никак не видно. Вот, – говорю, – и встань-ка, когда к тебе старший по званию обращается.

Трофим аж прямо затрясся.

– Молод ты еще, – отвечает, – меня судить. Я в дружине барона состою. Мне даже генерал – не указ.

Тут уж я миску в сторону отставил.

– Во-первых, – говорю, – я тебе не трибунал – приговор выносить. А что касается возраста... Ты здесь с 41-го, а сейчас 44-й. Вот и посчитай, восемнадцать моих довоенных, да три года войны за десять. И за ранения добавь, и каждую ходку к немцам в тыл тоже учесть не забудь. Это первое.

А второе... Ты, Трофим, что, указ о своей демобилизации видел? Лично наркомом обороны подписанный? Я тебя не в дезертирстве обвиняю, но, раз ты сам себя дезертиром не

числишь, значит, продолжаешь оставаться бойцом Красной армии. И по стойке «смирно» ты передо мной станешь!

Говорю, а сам думаю – а если не встанет? Не драку же с ним тут устраивать? Да и командовал-то я такими бородами один раз всего, когда из окружения выходили и я вместо убитого лейтенанта на взвод стал. Эх, думаю, капитана бы сюда, ему-то тоже всего двадцать шестой пошел, а как скажет что-нибудь тихим своим голосом – рысью мчишься.

Встал Трофим. Руки дрожат, с бороды баланда на стол капает. Арчет с Карой на нас обоих смотрят – и ни черта понять не могут.

– В самом деле, – Арчет говорит, – чего это на вас нашло? Из-за чего спор?

– Не понимаешь – не лезь! – отвечаю. И Трофиму: – Встал. А теперь сядь. И заруби себе на носу – чьи мне приказы выполнять, я как-нибудь без тебя решу. Ясно?

Трофим на меня поглядел, даже не со злостью, а жалостью.

– Ох, и молод же ты, парень, – говорит. – Ох, и горяч. И ничего-то ты еще в жизни не видел.

Достал он меня.

– Что надо, – говорю, – то и видел. Три «За отвагу», две «Славы» и «звездочка» – иконостас хороший. Да еще два наградных листа по инстанциям ползают. Я такое видел, что тебе в страшном сне не приснится. И скажи спасибо, что не приснится, а то борода у тебя давно седая бы сделалась.

Черт, думаю, надо же, второй раз за утро срываюсь. Сначала к рыжей пристал, теперь вот Трофима... он, как про мои награды услышал, прямо аж бледный сделался. Зря я, в общем-то, на него полез. Он-то ведь, наоборот, обрадовался – земляка встретил.

Просто трудно сразу на другой лад перестроиться. После передовой все в одном свете видишь. И когда в тыл попадаешь, тоже поначалу привыкнуть никак не можешь. Стоишь, бывало, перед комендатурой каким-нибудь и кроешь его по себя: «Ах ты, морда тыловая, окопались тут – гаубицей не выковыряешь, ишь какую ряску откормил». А потом глядишь – четыре нашивки за ранение, и смотрит он на тебя с такой тоской лютой, – совсем совестно становится. Хотя и барсуков по тылам тоже навалом. Вот так первую неделю походишь, а потом уже легче, привыкаешь. У всех ведь свое место, свое задание.

– Ладно, – говорю, – замаяли и проехали. Расскажите лучше, что у вас тут за дела.

– Рассказывать, – Арчет говорит, – долго. Проще показать. Тут недалеко.

– Ну, пойдем, посмотрим.

Пошли.

Замок этот, выяснилось, в горах стоит. Просто из-за стен их видно не было. Странные горы, не так чтоб высокие, но... я уж потом сообразил. Неестественные они какие-то, вот.

Стоит замок у выхода из ущелья. В другом конце ущелья тоже стена, но не высокая, а просто завал каменный, типа баррикады, дорогу перегораживает. Впереди – мост через пропасть. Тоже странный мостик, цельный камень, словно из скалы вырублен. А пропасть под мостом – дна не видать, только туман внизу клубится.

– Глубоко? – спрашиваю.

Аулей плечами пожал.

– Без дна, – отвечает.

Я уж было открыл рот спросить: «Сколько это «бездна»?», а потом одумался. Черт, думаю, их знает, может, она и в самом деле без дна. У них все может быть.

А дорога неплохая, широкая. И мостик этот, пожалуй, тяжелый танк выдержит.

Вышел я на этот мостик, осмотрелся и вдруг сообразил, что мне вся эта местность напоминает. На траншею она похожа. Пропасть – окоп, а горы точь-в-точь как бруствер по сторонам. Ну не бывает в природе таких гор, под линейку сделанных.

– Интересно, – говорю, – сами такой противотанковый ров выкопали или помог кто?

Кара на меня опять косо взглянула. Ох, до чего мне эти их взгляды надоели, словно не они тут свихнулись, а я.

– Пропась, – отвечает, – это граница между Светом и Тьмой. Ее провели боги.

Хорошая граница, думаю. Нам бы такую в 41-м. Это вам не обмелевший Буг форсировать.

– И давно она тут?

– С последней битвы, – отвечает Арчет. – До нее граница была в тридцати лигах западнее.

– Вот дела! – говорю. – Выходит, она, как линия фронта, двигаться может?

Кивает.

– Граница, – говорит, – живая.

Ничего себе. Стояли себе две горные цепи с пропастью между ними, а потом взяли да передвинулись от старой границы к новой. Кейтен зи, ви функционирт дизэс агрегат?⁵

– Интересно, а у темных этих, на той стороне, тоже застава есть?

– Да.

– Рыжая, – поворачиваюсь, – а как же ты тогда вчера на ту сторону попала и меня обратно протащить умудрилась?

– Я, – заявляет рыжая, – путешествовала Тайными Тропами. И не спрашивай меня о них – знать это тебе не положено. И рыжей меня тоже не называй.

– Хорошо, – говорю. – Но только слугой я тебя звать тоже не намерен. Не было у меня никогда слуг и не будет. На рядовую будешь откликаться?

– Я – не рядовая.

Это уж точно.

– Ладно, – говорю, – Карален так Карален. Пошли, на вашу линию обороны поглядим.

Оборона у них, конечно, хлипкая. Двенадцать винтовок – шесть «трехлинеек», две «СВТ», четыре немецкие. И» максим». Трофим на него, как на икону, уставился.

– Первая, – говорит, – вещь против орков.

– Орки, – спрашиваю, – это такие зеленые, с клыками?

– Они самые.

– Ну, по ним из «максима» самое то. Хотя мне лично немецкий «МГ» больше нравится.

Гляжу – веревка какая-то по земле протянута, за камень уходит. Заглянул – ни черта себе. Вережка к гранате противотанковой примотана, а граната – к авиабомбе. Немецкая фугаска, 250-килограммовая.

– Это еще что?

– А это, – Трофим отвечает, – на крайний случай. Если уж совсем зажмут – дернем, благословясь, и будет и нам, и им.

– Дернуть, – говорю, – это, конечно, здорово. А почему б не взять эту дуру и не рвануть ею мостик прямо сейчас, не дожидаясь, пока зажмут? А то ведь в последний момент еще неизвестно, как обернется. Оборону вашу хилую смести – даже «фердинанд» не нужно подтягивать. Полковушку приволокли – и вышибли вашу баррикаду, как фигуру в городках. А если с миномета долбануть – одной мины на этот мешок каменный хватит и еще лавиной накроет так, что и могилу братскую копать не надо.

– Так ведь, – отвечает, – пробовали уже. Ничего это не даст. Переход в другом месте объявляется. А там-то уж замка нет.

– Все равно, – говорю, – хреновая у вас оборона. Совсем хилая.

– Да уж какая есть.

⁵ Не могли бы вы показать, как работает эта установка?

– Вот за такой ответ, – говорю, – и под трибунал можно. Оборона должна быть ни какая есть, а какая надо и еще лучше. Только для этого о ней думать постоянно надо. И работать над ее совершенствованием.

– И как же ее, по-твоему, – Трофим интересуется, – усовершенствовать?

– Да много как, – отвечаю. – Вот, например, я вчера у Аулея тарелки из дюраля видел.

Где вы его взяли?

– Там же, где и бомбу, – говорит. – С самолета.

– А что за самолет?

– Немецкий.

– Немецкий, а дальше? Тип какой?

– Не знаю, – отвечает. – Они его без меня разобрали. Я только крыло видел, его целиком в замок приволокли.

– Я, – Кара встречает, – видела.

Начал я ее спрашивать – тот еще источник информации. Словно венгра какого-нибудь по-немецки допрашиваешь, а он слов знает еще меньше тебя, да и то не те. Кое-как разобрался.

– Эх, – говорю, – олухи. Это ведь «Хейнкель-111» был. На нем одних огневых точек не меньше пяти штук. Вот и представь себе, Трофим, вместо одного твоего «максима» – пять авиапулеметов. Такой шквал свинца – кого хочешь смести можно. И потом бомба эта ваша – хорошо, если сдетонирует от гранаты, а вдруг нет?

– А ты что предлагаешь?

– Взять, – говорю, – и разобрать ее. Нормальную мину соорудить. Даже тол не надо вытапливать – просто дыру в корпусе проделать и взрыватель по-человечески приспособить.

Да и вообще. Сейчас линия фронта опять в эти места вернулась и добра к вам должно сыпаться – только успевай карманы подставлять.

Эх, старшину бы нашего сюда, Раткевича. Он бы тут через неделю колхозы учредил, а за месяц и вовсе полный коммунизм построил.

– Об этом, – говорит Трофим, – ты лучше с отцом Иллирием поговори. Он у нас и духовный наставник, и магии обучен.

– Он что, – спрашиваю, – две должности совмещает?

– Он больше совмещает. У нас тут церковь воинствующая.

Ну, думаю, вот только попов с пулеметом мне и не хватало.

Глава 4

Попа мы обнаружили в комнатухе при часовне. Сидит он себе, вроде бы и не делает ничего, только шарик стеклянный по столу катает.

– Да пошлют тебе боги добрый день, – говорит, – Сергей. С чем пожаловал?

– И вам доброе утро, – говорю. – Вопросы у меня тут возникли.

– Раз вопросы, а не вопрос, – говорит Иллирий, – тогда садись за стол. Кара, а ты, будь так добра, принеси нам из кухни что-нибудь, хвалу богам воздать.

Рыжая пару секунд потопталась – очень уж ей, видно, услышать хотелось, о чем я попа допрашивать собрался, – и умчалась.

Как она в дверях скрылась – я аж дух перевел. Умотала она меня за утро.

Иллирий за моим взглядом проследил и тоже усмехнулся.

– Кара, – говорит, – девушка хорошая. Даже очень хорошая. Только... как бы это точнее сказать... Слишком много ее иногда бывает.

– Не то слово, – говорю. – Окружает со всех сторон и многократным численным превосхождением давит.

– Кстати, – священник вдруг серьезным стал, – ты случайно не помнишь точное время, когда ты в наш мир попал?

– Ну, – говорю, – если считать, что я сразу после взрыва провалился, то часов в одиннадцать. В полдевятого мы на болотце наткнулись, полтора часа по нему хлюпали, на островке обсохнуть успели... Да, скорее всего, ровно в одиннадцать, меня ведь вторым залпом накрыло, а немцы народ пунктуальный – если есть возможность ровно в ноль-ноль пальнуть, в ноль-ноль и пальнут. Так что ровно в эльф.

– Хм, одиннадцать, – поп вроде о чем-то своем глубоко задумался. – Видишь ли, – говорит, – я с вашим измерением времени не очень знаком, но вчера весь день сочетание звезд очень интересное было. Ты, Сергей, свой гороскоп когда-нибудь видел?

– Я, – говорю, – даже в свое личное дело ни разу не заглядывал. А уж в хиромантию всю эту и вовсе никогда не верил.

А поп куда-то сквозь меня смотрит.

– Все верно, – говорит, – все совпадает. Ты из другого мира, наши боги над тобой не властны, а в Судьбу свою ты не веришь – и поэтому сам ее творишь. Все совпадает.

– Понимаешь, – говорит, – Сергей. Я астролог, конечно, слабый, но вчера после нашего разговора пошел на звезды посмотреть. Посчитал, что раз ты в нашем мире только вчера объявился, то это и есть день твоего рождения. И попытался твой гороскоп составить.

Тут я наконец чего-то вспоминать начал. Читал в одном трофейном журнале – фюрер бесноватый тоже вроде в эту муть верит.

– Ну, – интересуюсь, – и чего там ваши звезды мне напророчили?

– Знаешь, Сергей, – отвечает Иллирий, – ты уж меня прости, но то, что я в эту ночь увидел, я ни тебе, ни Каре не скажу. И даже Аулею с Матикой тоже. Я тебя только об одном попрошу – когда будешь выбор делать – не ошибись! А лучше – не делай его вовсе!

Ну и чушь же он несет. Причем на полном серьезе. Я-то вижу – он во все это верит, как в оперативную сводку.

– Все сразу выбрать нельзя? – спрашиваю.

Тут он на меня так глянул. Даже не дико, а с восхищением каким-то и ужасом, словно я ему конец света после дождичка в четверг напророчил.

– Можно, – шепчет. – Все можно. Ах я, старый дурак. Все ведь возможно.

Тут рыжая объявилась. Полную корзинку фруктов приволокла. Некоторые знакомые, а часть – первый раз вижу. Даже брать их боязно – вдруг это какие-нибудь ананасы местные и с них кожуру прежде счищать нужно. Прямо, думаю, как рыжей наши консервы.

Выбрал одно яблоко-переросток, откусил – земляника. Что за черт, думаю, уж землянику-то я от яблока на вкус отличить еще могу. Еще раз вгрызся – точно, земляника. Гебен зи мир, битте, айн кило фон ден апфельн⁶.

Интересно, яблочки эти у них сами по себе на елке выросли или местные селекционеры расстарались? Ну, показать бы такую елочку товарищу Мичурину – он бы на ней и повесился с тоски. Только, думаю, чего ж у них при таких выдающихся достижениях хлеб-то такой дрянной? Одними ананасами народ не прокормишь, надо бы и пшеницу с картошечкой.

– Так о чем, – спрашивает Иллирий, – ты со мной поговорить хотел?

– Посмотрел я тут, – говорю, – на ваш передний край.

– Ну и...

– Ну и хилая же у вас тут оборона, – говорю. – Удивительно, как вас еще до сих пор не смели.

– А ты, Сергей, – спрашивает, – знаешь, как ее укрепить?

– Мне сказали, что вы, как святой маг, в курсе, где, когда и что из моего мира в ваш валится. Вот и наладьте сбор и переработку. Только на серьезной основе, а не так, как сейчас, – только то, что непосредственно на голову свалилось.

– С этим, – отвечает, – у нас большие проблемы. Людей в замке не так уж много, а отрезок границы, который мы собой закрываем – без малого десять лиг в обе стороны. А кроме как в замке, людей в округе почти не осталось. Ушли. Боятся Тьмы, боятся нового вторжения.

– К тому же, – рыжая встряла, – простолюдины к вещам из твоего мира близко не подойдут. Они их проклятыми считают.

Понять-то их можно. Там, наверное, такие подарочки попадают – не то что костей, пыли не соберешь.

– Хорошо, – говорю, – допустим, один доброволец у вас нашелся. Я да машина во дворе – и обернуться быстро можно, и загрузиться неплохо. И что за какой конец брать, тоже знаю. Но хоть примерные координаты указать можете?

– Места, – священник говорит, – показать могу. Это несложно.

Полез куда-то под стол, залазгал чем-то. Наконец вылез с рулоном полотна. Расстелил его по столу и пальцем тычет.

– За последние дни, – начал, – вот...

А я на эту, с позволения сказать, «карту» гляжу – та еще карта. Ребенку, который ее рисовал, лет десять было, а то и меньше. Факт наличия основных местных достопримечательностей показан, но дальше этого дело не идет. По пачке «Беломора» и то легче ориентироваться.

– Стоп, – говорю, – а другой карты у вас нет? Более приближенной к рельефу местности? Типа двухверстки.

– Эта карта, – поп говорит, – самая лучшая во всем замке.

Да, думаю, топография у них тут явно не на высоте.

– Ладно. Но тогда мне к этой карте еще и проводника нужно. Переводчика. Чтобы он всю эту живопись к местности привязывал. А то ведь у вас, наверно, не один холмик с тремя кустиками. Их бин хир ляйдэр нихт бэкант⁷.

Сказал и тут же язык прикусил. Только вот поздно уже было.

⁶ Дайте мне, пожалуйста, один кило вон тех яблок.

⁷ Я, к сожалению, сам плохо знаю этот район.

– Все, что надо, я могу показать лучше любого в замке.

Я на Иллирия кошусь – дочь хозяина как-никак, а он кивает.

– Да, – говорит, – лучше Кары окрестности замка мало кто знает.

Посмотрел я на нее тоскливо, вздохнул. А что тут сделаешь? Назвался шампиньоном...

– Ладно, – говорю, – не-рядовая Карален. Слушай приказ. Выяснить у священника координаты, переодеться в полевую форму и через пять минут быть у машины? Ясно?

– Нет, – отвечает. – Мне не ясно, что такое «координаты», «полевая форма» и сколько это – «пять минут»?

– Отвечаю по порядку: координаты – расположение нужных нам мест на карте, полевая форма – одежда, которую не жалко изорвать в бою, а пять минут – как можно быстрее. Ферштейн?

– Теперь да, – отвечает. – А что такое верштайн?

– А вот немецким, – говорю, – мы как-нибудь в другой раз займемся, – и чуть ли не бегом за дверь.

Добежал до «Доджа», сел, дух наконец перевел. Ну, думаю, ох и влип же ты, Малахов, с этой рыжей штучкой. Познакомился, называется, с аристократкой. Навязалась в напарники, то есть, тьфу, в напарницы. Тоже мне – стрелок-радистка.

Ладно. Вылез, походил вокруг, протекторы попинал. Только обернулся, а рыжая уже тут как тут. Вырядилась в свою вчерашнюю кожанку и сетку проволочную натянуть не забыла. Смотрю я на нее и сатанею потихоньку.

– Это, – спрашиваю, – форма полевая?

Рыжая носик гордо вздернула, и от этого еще смешнее стала выглядеть.

– Это, – отвечает, – моя боевая форма.

– Что боевая, это я вижу. Дыр, как будто с трех убитых уже сдирали. В общем так, – говорю, – феодалочка, хочешь на себе блох разводить – дело твое, но металлолом этот сними и спрячь подальше и поглубже. А еще лучше – в керосин окуни, пусть хоть ржавчина отстанет.

Кара снова вспыхнула, но промолчала. Стянула кольчужку, бросила в кузов и сама через борт махнула.

Я сел, мотор завел.

– Садись рядом на сиденье, – говорю, – чего трястись-то.

– А мне, – отвечает – отсюда лучше видно.

– Ну, как хочешь. Хоть уцепись за что-то.

– Я, – заявляет рыжая, – с трех лет в седле.

– Так то в седле, – говорю. – А ты в кузове.

Стоит. Как хочешь, думаю, не говори, что не предупреждал. Выжал сцепление, газанул – «Додж» с места рванул, только земля из-под колес брызнула. Ну и, само собой, грохот в кузове. Проехал мост, оглянулся назад – рыжая из-под брезента выбирается, за плечо держится и шипит сквозь зубы.

– Ну как, – спрашиваю, – может, все-таки сядешь на сиденье?

Рыжая меня взглядом ожгла, словно кипяток плеснула. Перебралась на сиденье, устроилась и молчит.

– Ау. А дорогу кто будет показывать, Пушкин или Сусанин?

– Прямо, – говорит, – а затем направо.

– Ну вот, так бы сразу и сказала. Гэрадаус унд дан нах рехтс.

Нет, надо с этими немецкими словечками заканчивать. А то сыплются они из меня к месту и не к месту. Вон как рыжая на меня возмущенно косится глазами своими желтыми. Глаза у нее, как два прожектора, так и прожигают насквозь. Дымиться, наверно, скоро начну от этих взглядов.

Помню, у нас в разведроте один парень в медсанбат на пару дней угодил с касательным ранением, а на столе письмо недописанное осталось. Адрес он нацарапал, а само письмо так и не начал – два дня думал, чего б такое написать, и додумался – пулю плечом поймал. Ну а мы после поиска гурьбой ввалились, красные от мороза и наркомовских – и давай за него дописывать. Еще края на коптилке обуглили и начали: «Дорогая Катя. Пишу я тебе из горящего танка».

И пошло-поехало. Каждый норовит свое вставить.

«Глаза ваши горят в ночи, как две осветительные ракеты. Вы прекрасней, чем залп «катуш». Каждый раз, когда я сжимаю пальцами горло очередного фашистского гада, я думаю только о вас...» и так далее. Всю страницу подобной чушью измарали. Вспоминать стыдно.

И вдруг капитан заходит. Сел, начал читать, а мы стоим вокруг и трезвеем потихоньку. Ну, думаем, ой, что сейчас будет. Во-оздух! Хоть под нары ныряй!

Дочитал до конца, усмехнулся, взял ручку и дописал пару строк. А потом вышел. Ну, мы к столу, а там:

«Дорогая Екатерина. Это письмо написали бойцы той роты, где служит ваш Виктор. С ним все в порядке, просто они его очень любят и решили ему помочь. Вас они тоже любят, так что не обращайтесь на все эти шуточки внимания». И подпись.

Так-то вот.

Ладно. Проехали мы километров двадцать, гляжу – самолет. Наш, истребитель, «яковлев». Лежит – в землю мотором ткнулся.

Я к кабине – а в ней летчик. Сорвал фонарь, сунулся – да где уж там. Он тут уже не меньше суток сидит. И главное – дыр от пуль нет, только лицо кровью залито.

Отстегнул его кое-как, вытащил на траву, документы из кармана достал, «ТТ» из кобуры, вместе с обоймой запасной. Начал смотреть – а он меня на год младше! Лейтенант. Только-только двадцать исполнилось. Сижу рядом и думаю – ну что же ты натворил, лейтенант! Прыгать надо было, прыгать! А ты ее сажать поволок. Ну и посадил, называется.

Кроме документов, у него еще только бумажник нашелся. А там – одна сторублевка, сиреневая, мягкая, и фотокарточка. Девчонка с косичками улыбается. А подписи на обороте нет.

Обошел самолет вокруг – ну да, только в мотор и попало. Двигатель, пушка, пулеметы – все всмятку, перекорежило так, что только в металлолом. Эх, лейтенант.

Принес лопату из «Доджа», начал копать. Земля еще хорошая попалась, мягкая. Да и место тут неплохое. Тихое.

Выкопал где-то на метр. Вытащил парашют из кабины, раскрыл и отхватил кусок. Не обеднеют, думаю, местные с трех метров. Завернул тело в шелк...

Надо, думаю, фанеру, что ли, какую-то приспособить, да где ж ее тут возьмешь. Потом придумал. Отодрал от хвоста кусок обшивки со звездой, прут какой-то железный из кабины выломал и выцарапал на обшивке все, что в таких случаях положено. Постоял, ну и из «ТТ» выстрелил напоследок. А потом сел в «Додж» и поехал.

Рыжая как все время в машине просидела притихшая, так и сидит. Только когда километра на три отъехали, пошевелилась и тихонько так спрашивает:

– А зачем ты стрелял?

– Ну, – говорю, – это прощальный салют. Вроде как последняя дань погибшим. А потом уже и тишина.

– А мы над могилами клянемся отомстить.

– Это тоже. Только я лично всегда хотел, чтобы над мой могилой, если уж суждено будет в нее лечь, батарея салют дала. И не холостыми, а боевыми, по целям. Мной разведанным. Вот это был бы салют.

А вообще – не было бы у меня никакой могилы. У нас, разведки, и судьба иная, и счета со смертью тоже свои.

Обычно, просто был – и словно не был. Вроде вчера только ходил по землянке и песенки под нос бормотал, вот ведь привычка до чего дурацкая, хочешь отдохнуть спокойно, так нет же, жужжит. И в бритве моей трофейной, «золинген», клепку в рукоятке разболтал, ладно бы хоть брился, так ведь не бреется, нечего ему еще брить, что он с ней только делал, – а вот остальные все вернулись, а его нет. Стоишь, и одна мысль в голове вертится – что ж он этой бритвой чертовой строгал, так и не узнаю теперь. А было ему всего-то двадцать с двумя копейками, совсем как лейтенанту этому.

Еще бы документы его как-то передать. А то не вернувшегося из вылета, так и запишут пропавшим без вести.

Ладно, думаю, зато хоть здесь он пропавшим не будет. И» ТТ» его еще у меня постреляет.

Неплохо вообще, что пистолетом удалось разжиться. Сразу себя по-другому чувствуешь. С ножом что – даже против местных железяк не выйдешь. А теперь – семь в обойме, да еще восемь в запасной – и фиг ко мне кто подойдет, прежде чем я их все расстреляю.

Еще бы автоматом обзавестись – и можно не просто жить, а нормально воевать.

С кем воевать – пока особых вопросов не возникает. Конечно, вся эта феодально-поповская компания – та еще лавочка, и менять тут надо много, но с теми, кто людей собаками травит и деревни сожженные оставляет, мне не просто не по пути, а даже наоборот. Я их самих огнеметами выжигать буду. И лысый этот, и вся их компания – они еще о старшем сержанте Малахове услышат. И скоро услышат. А может, даже и услышать не успеют. Это уж как получится. Но показать я им покажу. С полным на то правом.

И тут выезжаем на вторую точку – снова разбитый самолет. И снова наш. «Пешка» «вторая».

Да что же это, думаю, за день у наших выдался.

Подкатил поближе, гляжу – фонарь у кабины сорванный. И тел внутри вроде не видать. Сразу на сердце полегчало – выбросились, значит.

Обошел вокруг – следов нет. И тел в самолете тоже нет. Значит, точно еще там выбросились. Вот и отлично, думаю, воюйте дальше, ребята, а мы тут пока с вашим подарком разберемся.

А подарок богатый. Два пулемета в новой части закреплены, один у штурмана, один у радиста и еще один переносной, для стрельбы с бортов. Почти все крупнокалиберные, «березины». Только бортовой – «ШКАС», винтовочного калибра, но тоже нехилый – 1500 в минуту. И ленты у всех почти полные, только у штурмана треть выстреляна. Зажгли их, наверно, на первом же заходе, вот и не успели расстрелять.

Бомбоотсек, жаль, пустой. Выходит, отбомбились, пошли домой, тут их и догнали. Очень может быть, что уже и над нашей территорией, а то бы на одном движке попытались тянуть. А лейтенант тот, скорее всего, из прикрытия был. По времени похоже, тот сутки и этот сутки.

Ладно. Черт с ними, с бомбами, зато пять пулеметов – это просто роскошь. Надо будет, думаю, один обязательно в кузове установить, на треноге. А еще два, те, что носовые, было бы неплохо также по бортам закрепить и провода от электроспуска на клаксон вывести. Вот сигнал будет из двух стволов – попробуй, не уступи дорогу! Живо в решето превратим.

Выволок штурманский – ну и тяжелая же дура. Навел на хвост, попробовал на спуск нажать – куда там. Чуть с ног отдачей не сбило, ствол в небо, а кусок кия, в который целился, напрочь снесло. Только лохмотья торчат. Вот это вещь. Двенадцать запятая семь миллиметров, никому мало не покажется.

– Ух ты, – рыжая аж от восторга прыгает. – А можно я?

– Обойдешься.

– А Трофим мне разрешал.

– Так то, – говорю, – из «максима» да со станка. Вот установлю на треногу, тогда, так и быть, позволю, скрепя сердце. А пока – не трожь!

Обиделась, но виду не подала. Ждет, что еще интересного добуду.

Бортовой пулемет я без особых проблем вытащил. А вот с хвостовым пришлось повозиться. Еле-еле его выдрал из турели. А к носовым в этот раз и подступаться не стал. Ну их, думаю, никуда они не денутся. Потом еще раз приеду. Все равно еще одну точку осмотреть надо.

Поехали дальше. Кара все время назад оглядывается, на пулеметы насмотреться не может. Другим куклы в платицах, а этой – крупнокалиберный.

Ну а третья точка – это был просто блеск.

Выруливаю на поляну, гляжу – ежкин кот, две машины стоят. Та, что поближе, – «студер» крытый, и хорошо, видать, загружен, глубоко завяз, а подальше – полуторка, «ГАЗ-АА», и тоже ящиками какими-то доверху забита. Картина – глаз не оторвать.

Я сначала к «студеру» подрулил. Заглянул в кузов – ой, ребята, чего здесь только нет! Прямо хоть военторг открывай, не вылезая из машины. Формы – завались! Ну, думаю, Малахов, в ближайшие двадцать лет к Панкратову на склад можно не заглядывать. Даже сапоги хромовые и тех пар тридцать, не меньше. Я аж обалдел маленько от такого богатства.

Одумался маленько, вылез. Все это, конечно, здорово, соображаю, да вот только еще лучше было бы, если б этот грузовик автоматами под завязку набили да патронов к ним не забыли. А сапоги на войне вещь нужная, не спорю, да ведь только много из них не настреляешь, даже из хромовых.

Сунулся в кабину, поглядеть, может, от шофера чего осталось. Нет, пусто, только на сиденье соседнем зеркальце валяется и расческа. Наверное, тоже девчонка-регулирующая какая-нибудь ехала и выскочить успела. Интересно, думаю, неужели обе машины прямыми попаданиями накрыло? Хорошо немец серию положил.

И тут меня идея осенила. Додумался, называется. Залез обратно в кузов, поворошил, гляжу – точно, комплекты женской формы, юбки с беретками. Прикинул на глаз размер, сапожки прихватил и выбрался.

– Эй, рыжая, – говорю, – не хочешь обновку примерить?

А эта губки надула и отвернулась.

– Нет.

– А ну, – голос повисил, – не-рядовая Карален. Живо в кузов. Расческой пользоваться умеешь?

– Умею.

Выхватила у меня охапку и умчалась.

А я пока пошел «полуторку» осматривать. Подхожу – дверца кабины распахнута, а в кабине – винтовка. Стоит себе, к приборной доске прислонена.

Ну, прыгать от радости я при виде ее не стал. Трехлинейка, вещь, конечно, в хозяйстве полезная, но уж больно нерасторопна в современном ближнем бою. Хотя в умелых руках – оружие что надо. Когда я еще в пехоте был, помню, у нас во взводе дед один, сибиряк, с этой винтовкой роту немцев на землю положил. Положил не в смысле на тот свет, а залечь заставил. Всего две обоймы истратил, а цепь залегла. Как перед пулеметом. А снайпер – так это и вовсе верная смерть для любого, кто из окопа на вершок высунется.

Но автомат мне бы сейчас куда больше пригодился.

Обыскал кабину, еще пять обойм нашел. Ну и мелочи там всякие – кисет с махоркой, инструменты – я их даже трогать не стал – в «Додже» лучше лежат. Лопатку только саперную прихватил, а то большая есть, а маленькой нету.

Полез в кузов, подковырнул лопаткой верх с одного ящика – снаряды. 76-миллиметровые, осколочные. А в других ящиках бронебойные, фугасы – я уж по маркировке различил.

Черт, думаю, пушку бы еще к этим снарядам. Не из пулемета же ими стрелять. Мне б патронов или гранат.

Хотя, стоп. Чем, думаю, черт не шутит. Вдруг кроме снарядов они ее еще чем-нибудь загрузили. Перелез к кабине, в щель между ящиками просунулся – есть! В самом низу, на днище, два ящика – гранаты, я их сразу узнал, в роту в такой же таре поступали, и еще минимум один ящик с патронами. Насчет него я точно уверен не был, но, похоже, к автоматам.

Я чуть было не взялся эти ящики доставать на радостях. Даже приподнял верхний и опомнился. Ты что, думаю, Малахов, совсем от счастья очумел? Тут взводу на пару часов работы – ящики эти перекидать. И потом, куда ты их сгружать будешь? На землю? Никто, кроме тебя, на эти ящики не позарится, как стояли, так и будут стоять. А я завтра у местных пару подвод мобилизую и народец – на разгрузку.

Походил вокруг полуторки, пооблизывался. Прикинул, нельзя ли ее «Доджем» выволочь, но раздумал. Тут ведь до дороги – километров семь, да и дорога местная еще та – только что танками не разбита.

Возвратился обратно к «студеру», смотрю – что такое, нигде рыжей не видно. В «Додже» нет, в кабине тоже, в кузов заглянул – и там нет.

– Ау, – зову ее, – прекрасное виденье. Ты куда спряталось?

– Мне идет?

Повернулся – и вот тут-то точно за борт «студера» уцепился. Чтобы не упасть.

И даже не в том дело, что она в форму переделалась – а просто взяла и гриву свою рыжую на одну сторону зачесала. А я смотрю и только глазами хлопаю. А она улыбается.

И видно мне теперь, что ростом она не ниже и не выше, а как раз с меня, только стройная очень. И лет ей... черт, да она же совсем девчонка еще, хорошо, если семнадцать есть, а скорее всего шестнадцать. Но красивая – слов нет. Смотрит на меня, сапожками хромовыми переступает.

– Ну как? – спрашивает. – Хорошо?

– Просто замечательно, – отвечаю. – Любая танковая колонна остановится поглядеть на такое. И даже флажка не надо – одних волос хватит.

Черт, вот как надела она эту форму вместо своего тряпья доисторического, сразу на человека стала похожа. И не просто на человека. Эх, думаю, вот бы пройти с ней под ручку мимо строя – у всех бы челюсти поотвисали.

Как представил я себе эту картину – прямо слюнки потекли. С трудом избавился, как от наваждения, гляжу – а рыжая на винтовку таким жадным взглядом смотрит, что прямо жалко становится.

– Ты что, – спрашиваю, – стрелять из нее умеешь?

Обиделась:

– Не хуже тебя.

– Посмотрим, – говорю. – Вон то дерево видишь? – А до дерева метров сто. – Если все пять пуль в ствол положишь – твоя винтовка.

– А не обманешь?

– Эй, – говорю, – феодалочка. Я в твоих словах сомневался?

Кара мне холодно так усмехнулась, взяла винтовку, вскинула к плечу. Р-раз. Я даже зажмуриться не успел. За четыре секунды всю обойму расстреляла – только щепки брызнули.

Стою и глазами хлопаю. Пошел к дереву, смотрю – все пять дырок каской накрыть можно.

Вернулся к машине, а эта стоит себе – довольная. Хотя вид делает, словно ничего такого и не произошло. Подумаешь...

– Ну, – говорю, – ну и рыжая. Хоть «ворошиловского стрелка» на грудь цепляй. Где ж это ты так стрелять научилась? В снайперы пойти не хочешь?

– Хочу, – отвечает. – А где это?

– Далеко.

Полазил еще вокруг «студера», топливо проверил – мало, черт, осталось. Да если и удастся его каким-то чудом выволочь – до замка не дотянуть.

Ладно, думаю, никуда эта форма не денется, да и не горит. У меня и других дел по горло.

Поехали обратно. А рыжая все за винтовку держится.

– Да положи ты ее в кузов, – говорю. – Вот уж, как в любимую игрушку вцепилась. Не отберу ведь, раз сам дал.

– А если дракон?

– А это еще что? – спрашиваю.

– Драконы, – объясняет, – это такие звери, которые летают в небе и плюются огнем.

– Так бы, – говорю, – и сказала – «мессера». А то драконов каких-то приплела.

– Нет, мессир – это титул черного мага. А драконы – это летающие звери.

А ведь точно, вспоминаю, лысого того мессиром обзывали. Явно какая-то путаница в терминах. Но все равно, плохо, что у них тут авиация есть. А то я что-то никакого ПВО в замке не заметил.

Нет, думаю, надо будет непременно один пулемет в кузове установить, на зенитном станке. Поговорю с местным кузнецом, пусть сварганит – невелика премудрость. Один пулемет – это, конечно, не «эрликон», но все-таки лучше, чем шапкой отмахиваться. От «Юнкерсов».

В 41-м с этим особенно плохо было. Да и в 42-м не лучше. Ходят по головам и что хотят, то и делают.

Ладно. Вернулись в замок. Трофим, как три пулемета в кузове увидал, прямо аж затрясся весь.

– Ну, – говорит, – ну, – и руками разводит. – Да где ж вы такое богатство-то откопали?

– Где откопали, – отвечаю, – там уж нет. А ты, дядя, и сам мог такое нарыть с того «Хейнкеля», если б варежкой не зевал.

Трофим на радостях даже обидеться забыл.

– Ну, – говорит, – с тремя пулеметами я теперь такую оборону налажу...

– Стоп. С чего это ты, дядя, – спрашиваю, – взял, что я тебе позволю этими пулеметами распоряжаться? Ты лапы-то уברי. Чего ты тут за оборону наладил, я уже насмотрелся.

– А чем тебе, – Трофим спрашивает, – наша оборона не нравится? Или ты у нас великий инженер по фортификациям?

– Не инженер, – отвечаю. – Только я, дядя, два года в окопах школу проходил, где экзамены немецкие танки принимали, а последний год у немцев в тылу университет заканчивал. А у них есть чему поучиться.

Это уж точно. Я за этот год их систему так изучил – просто по карте могу начертить – и один в один совпадет. Они же все по уставу делают, по инструкциям. А инструкции у них хорошие. Помню, сколько ротный наш мозги чистил, чтобы окопы полного профиля рыли, а все равно – выроет ванька ямку и сидит скорчившись. Чего надрываться, мол, все равно завтра в атаку пойдем. А фриц каждый окоп роет так, словно до конца войны в нем сидеть собрался.

– А оборона ваша, – говорю, – вообще ни к черту не годится. Какая же это оборона – одна линия да резерв крохотный в самом замке? Ты, дядя, про эшелонирование вообще когда-нибудь слыхал?

– Я, – говорит Трофим, – простой солдат и премудростям не обучался. А только и допреж меня у них тут все так не одну сотню лет и было.

– А ты у нас, дядя, оказывается, консерватор, – говорю. – От слова «консервы». Тебе бы все в жестянку запломбировать – и на тыщу лет, на вечное хранение. Ох и мало тебя в 41-м немец подолбал.

– Да уж сколько подолбал, – говорит. – Мне хватило.

– Да не уж. Немцы из-за того и прорывались, где хотели, что мы в одну линию траншей и то толком не откапывали. А сейчас, между прочим, 44-й на дворе. И если найдется на той стороне толковый обер-лейтенант, то раскидает он вашу защиту, не особо напрягаясь и даже без всякой пушки. У вас ведь три года было, дядя, три года. Ты что, Трофим, устав не читал? А там ведь русским языком черным по белому сказано: «Оборона должна совершенствоваться постоянно». А они сложили себе стеночку из камушков и сидят довольные. Двести метров прямой видимости – это ж курам на смех.

Тут Трофим уже закипать начал.

– А ты их попробуй-то пройди, эти двести метров, – орет. – Под «максимкой»-то.

– А чего пробовать-то? – спрашиваю. – Мешков с песком нагромоздил – и двигай их себе потихоньку на гранатный бросок. Не особо напрягаясь.

Тут Арчет подходит. Трофимовы вопли, наверно, услышал.

– Из-за чего шум такой? – спрашивает.

– Да вот, – говорю, – объясняю ретрограду вашему, что живете вы тут пока исключительно попустительством божьим. Раз вас до сих пор смести не пытались.

– Пытались.

– Значит, повезло, – говорю. – Видать, противник вам попался такой же необученный и бестолковый, как и вы сами.

Трофим аж сплюнул.

– Я, – говорит, – более лаяться с тобой не намерен. Пущай нас господин барон рассудит.

– Ладно, – говорю. – Пошли к Аулею. А только пулемета я тебе, Трофим, все равно не дам. Я лучше Кару за него поставлю, она, в отличие от тебя, хоть одета по форме.

Приходим. Аулей Трофима выслушал – тот, правда, все больше разорялся на тему – приходят тут всякие на готовое и сразу критику наводить начинают, мол, еще посмотреть надо, кто они сами из себя такие. Хорошо, думаю, хоть шпионом не объявил, агентом темных сил.

Послушал его Аулей и ко мне поворачивается:

– А ты, Сегей, что скажешь?

– Только одно. За три года в горах можно было такого наворотить – Маннергейм бы от зависти удавился.

– Значит, – спрашивает Аулей, а сам чему-то про себя усмехается, – ты, Сегей, считаешь, что разбираешься в этой фо-ти-фи-ка-ции лучше Трофа?

– Да уж пожалуй.

– Хорошо. Что тебе нужно, чтобы наладить эту фо-ти-фи-ка-цию?

– Ну, – говорю, – во-первых...

И тут сообразил. Ежкин кот, думаю, он же на меня ловушку поставил, а я в нее и влетел, радостный, на полном ходу. Опаньки, Малахов. Я-то ни за что братья пока не собирался, а тут и глазом не успел моргнуть – захомотали.

Нет, можно, конечно, дать задний ход, мол, чего это ты, дядя, в самом деле, мы ни о чем с тобой пока не договаривались. И твои проблемы – не мои проблемы, и приказ о

взаимодействии, Верховным главнокомандующим подписанный, ко мне пока не поступал. Только как я после этого рыжей в глаза посмотрю? Да и не привык я сидеть сложа руки.

– Во-первых, – говорю, – мне на завтра четыре воза нужно и десять человек, только таких, чтобы можно было ценную вещь в руки дать, чтоб не роняли.

– Возов, – встряла Кара, – не нужно. Нужно четырех волов.

Я к ней повернулся.

– Ты чего, – спрашиваю, – рыжая? Ты же грузовики видела? Какие четыре вола? Их и стадом не утащишь.

– Грузовики ваши, – отвечает, – я видела. А ты волов наших – не видел.

Я рот открыл – и обратно его захлопнул. Волон-то я местных действительно не видел. А вдруг эти вола вроде того яблочка – танк на горбу утащат.

– Ладно, – говорю, – этот вопрос пока снимается. А насчет остального – посмотрю, прикину, а потом и поговорим. Вечером.

– Лучше утром, – говорит Аулей.

Ну да. У них же тоже утро вечера мудреней.

Перво-наперво я к кузнецу пошел, про треногу договориться. Кое-как объяснил ему, что требуется. Конструктор с меня, правда, хреновый, хорошо еще, сам кузнец понятливый оказался.

– Хорошо, – говорит. – Сделаю. Тем более что эта, как ты сказал?

– Турель, – говорю. – Турель уже готовая есть. Только треногу соорудить и в кузове укрепить.

– Сделаю. Больше ничего не надо?

Я кузницу осмотрел – хорошая кузница. Даже не просто кузница – мастерская хорошая. Причем все инструменты аккуратно на стене развешаны.

– Слушай, – спрашиваю, – а ключ гаечный сможешь сделать?

– Если объяснишь, – усмехается, – что это такое – смогу.

Я объяснил.

– Сделаю, – говорит. – Это просто. Мне главное – размеры точно знать.

– Размеры я тебе скажу. Я тебе даже образец предоставлю.

Ладно. После кузницы пошел местность осматривать. Рыжая, само собой, как тень тащится. Я уж на нее и внимание обращать перестал.

– А зачем, – спрашивает, – тебе этот гаечный ключ потребовался?

– Гаечный. Головы кое-кому поскручивать.

– Я серьезно.

– И я, – говорю, – серьезно.

Пришли в ущелье. Смотрю – слева склон отвесный, не всякий «эдельвейс» заберется, а справа тоже крутой, но все ж таки более пологий. И, что приятно, ровный. То есть лезть по нему как раз из-за этого неприятно – зацепиться толком не за что и укрыться, если что, тоже негде. Но для моих планов – самое то.

– А скажи-ка мне, не-рядовая Карален, – спрашиваю, – ты на этот склон забраться пробовала?

– Это очень опасно, и потому мой отец запретил. И не только мне.

– Так ведь я не спрашиваю, опасно или нет? Я тебе какой вопрос задал? Была ты там, наверху? А?

– Была.

– Вот и отлично, – говорю. – Показывай дорогу.

– Куда?

– Как куда? Наверх.

Рыжая на меня восторженно так уставилась.

– А если сорвемся?

– Если сорвемся, – говорю, – значит, плохие мы с тобой бойцы и в Красную армию не годимся.

Полезли. И вот тут-то я об этом пожалел. Когда снизу смотришь, вроде и склон не такой крутой, и уцепиться есть за что, да и не так уж высоко. А наверху сразу вспоминаешь, что на муху ты не похож, а другие насекомые с потолка, случается, падают. Прямо в суп.

Черт, думаю, хорошо хоть обмундирование запасное теперь есть. А то ведь изорву на этом склоне гимнастерку к чертовой матери. И веревку надо было взять уже, раз полезли, а то как спускаться будем. Высоко ведь. Вечно ты, Малахов, пути отхода не продумываешь. Как тогда, на станцию в грузовике въехали, а выбраться с той станции, когда вокруг ээсовцев полно... Вот так и сей... И тут сорвался.

Повезло. Проехал пару метров и повис. Хватаюсь за какой-то камешек и чувствую, что ноги-то в воздухе болтаются, а камешек, зараза, поддается. И ухватиться поблизости больше не за что.

Черт, думаю, надо же, как обидно. Когда к немцам в тыл ходил, даже ранен ни разу не был, а тут сейчас посыплюсь – и костей не соберешь. И сделать-то ничего здесь толком не успел. Черт, ну обидно-то как!

Попытался сапогом опору найти – только камешки брызнули.

На шум Кара обернулась.

– Держись! – орет. И руку мне протягивает.

Черт, думаю, чтобы я, старший сержант Малахов, за девчонку хватался! Да я лучше упаду!

И тут камешек как вывернется. Еле-еле успел за рыжую уцепиться. Повис на ней всей тушей, а она зубами скрипит, но держит. Подтянулся вверх, кое-как сам уцепился, вылез. Повезло.

Добрались мы до расщелины на середине склона, перевалились через край и распластались. Лежим, воздух по кускам откусываем. Мало-помалу очухались.

Приподнимаюсь, и тут рыжая мне ка-ак влепит затрещину. Я аж на четырех точках не удержался, полетел и спиной и затылком об скалу приложился. Прямо вчерашней шишкой. Больно, черт!

– И не вздумай, – говорит, – спрашивать, за что.

Я затылок осторожно потрогал, посмотрел – крови вроде нет. И на том спасибо.

– А теперь, – говорит Кара, – если ты мне не объяснишь, зачем мы сюда залезли, я тебя вниз сброшу.

Я уж было хотел съехидничать, что затащил ее, чтобы наедине побыть, но вовремя одумался. Во-первых, все равно не поверит – вот если б я один залез, от нее подальше. А во-вторых – ведь и в самом деле сбросить может, даром что сама затаскивала. С нее станется.

– А ты посмотри, – говорю, – какой с этой площадки великолепный вид открывается. Все ущелье как на ладони. Это же не площадка, а замечательнейшее пулеметное гнездо.

Даже если пушку через мост перетащат – пока развернут, пока нацелят, а с восьми сотен метров крупнокалиберная пуля орудийный щит насквозь прошьет и кого хочешь за этим щитом достанет. В общем – мечта, а не позиция. Только минометом и выковыряешь. Да и то – скала над головой. Готовый дот.

Рыжая, по-моему, сначала скинуть меня хотела. Но одумалась, прикинула – дочь командира все-таки – и тоже загорелась.

– Здорово, – говорит. – Только как пулемет сюда затащить?

– А вот это, – отвечаю, – как раз не проблема. Прикажу – вы у меня весь самолет сюда затащите. Ладно, – говорю, – давай теперь спускаться, а то к ужину опоздаем. Если ты меня и в этот раз не уронишь – сахар дам.

И тут она мне вторую затрещину залепила.

* * *

И приснилось мне в ту ночь, что стою я по стойке «смирно» посреди нашей землянки, а на лежанке развалился старший лейтенант Светлов – рожа небритая, правая рука на перевязи – и нотацию мне читает. Мол, такой я сякой, Малахов, засмотрелся на женские ножки и позволил себя с ног свалить, а потом встал раньше времени, не восстановив до конца координацию, – он у нас тоже слова умные знает – и поэтому улетел второй раз. И, спрашивается, какой я после этого разведчик, если мне, как выяснилось, достаточно юбкой перед носом помахать, и я, Малахов, все на свете забываю, и где, спрашивается, моя моральная стойкость и прочая сознательность и как после этого со мной можно за линию фронта ходить, а вдруг мне там какая-нибудь блондинка-эсэсовка попадется, и выложу я ей все, что знаю и не знаю, стоит ей только передо мной устроить этот, черт, какое же это он слово-то ввернул, не немецкое даже, а совсем уже иностранное, на эс начинается, раздевание, короче говоря.

Я стою, слушаю его, а сам думаю – ну и зануда же ты Славка, никогда за тобой такого не замечал. Тебе-то хорошо, ты в свои двадцать восемь успел уже женой обзавестись, а мне? И вообще, тебя бы на мое место, а я бы в сторонке постоял и посмотрел, как бы ты эти ножки игнорировал и как бы ты даже со здоровой рукой против рыжей устоять попробовал. Тоже мне, замполит нашелся, сам же рассказывал, как перед войной драку в ресторане устроил, а все из-за того, что пьяный танцевать полез. И фиг я теперь, Славка, батареи от твоей рации таскать буду. Сам ищи дураков, а я лучше пару лишних гранат в мешок положу.

Я ему, когда он закончил, так и сказал.

– Мало тебе, – говорю, – старшина Раткевич мозги чистил.

И проснулся.

Глава 5

Открыл глаза, смотрю – что такое? Когда это они успели красные занавески на окно повесить?

Встал, проморгался, к окошку подошел – а это, оказывается, никакие не занавески. Восход солнца. У нас и закаты-то такие кровавые редко бывают. Словно кто-то над горизонтом первомайский транспарант развернул и только лозунг написать забыл.

Ладно. Выглянул вниз, во двор – нет еще никого, натянул штаны с сапогами, скатился вниз, к колодцу, и вылил на себя два ведра воды. Брр. Ну и холодная у них тут вода, зуб на зуб после нее не попадает, словно родниковая.

Попытался свое отражение в ведре разглядеть – ничего, понятно, не увидел. Но все равно, побриться бы стоило, а то скоро на ежа буду похож. А чем эту щетину соскрести? Ни мыла, ни бритвы. Интересно, у них тут вообще мыло есть? Должно, по идее, быть. Иначе рыжая серо-бурой бы ходила – при ее-то повадках.

Да и бриться они как-то тоже должны. Арчет же без бороды ходит. И еще пару чистых рож я вчера видел – из тех, наверно, кому бороду лень отращивать. Может, удастся к местному цирюльнику в очередь записаться.

Вернулся наверх, оделся, на гимнастерку, правда, смотреть грустно было – изорвал-таки, по скалам ползая. Ничего, думаю, я сегодня из «студера» обязательно себе десяток офицерских нагребу. Надо будет только нашивки как-то перешить. Хорошо хоть иголка с ниткой как была за воротником, так и есть.

Выглянул еще раз во двор – пусто. Спят все, словно сурки по норам, только на башнях дозорные зевают. Ладно, думаю, дневальным меня никто не назначал, спите, сколько хотите. Все равно я сегодня без завтрака уезжать никуда не собираюсь. Хватит того, что вчера без обеда остался.

Сел «ТТ» разбирать. Вскрыл – ну, так и есть, все в смазке заводской. Авиация, что с нее возьмешь. Из автомата, наверно, в жизни не стреляли.

Жаль, тряпки промасленной нет. В» Додже», в ящике с инструментами были. Спуститься, что ли? Ай, думаю, ладно, черт с ними, все равно выбрасывать. Отодрал лоскут снизу от гимнастерки, начал чистить.

Хорошая все-таки машина «ТТ». Он да «парабеллум» – вот два пистолета, которые я за оружие считаю. А остальное... хотя, смотря, конечно, на чей вкус.

И тут дверь в сторону отлетает. Я чуть затвор из рук не выронил.

– Рыжая, – спрашиваю, – тебя что, стучаться никогда не учили? А если бы я без штанов стоял?

– Ну и что? – плечиками пожимает. – Я бы тоже разделась.

Приехали, называется. Хватай мешки – вокзал отходит!

– А что это ты на себя сегодня нацепила? – интересуюсь. – Я ж тебе вчера полный комплект обмундирования выдал.

– То, что ты мне подарил вчера, – заявляет рыжая, – мама спрятала в сундук. – А это – моя новая боевая форма. Ее изорвать не жалко.

Вырядилась она сегодня а-ля комиссар. Сапоги черные, выше колен, и кожанка. Только не те лохмотья, что на ней раньше были, а и в самом деле точь-в-точь как в фильмах про Гражданскую. Платка только красного не хватает для комплекта, да он ей и не нужен – волос хватает. Тоже мне, комиссарша, тьфу, комиссарочка. Навязалась на мою голову.

– Что, так и будешь ходить? – интересуюсь.

– А что, – спрашивает, – опять раздеться прикажешь?

– Ох, – говорю, – вlepил бы я тебе, феодалочка, за нестрoевую форму oдежды десяток нарядов вне очереди, да только...

– А наряды, – спрашивает рыжая, – это что? Это ведь платья новые, да?

И облизывается.

– Наряды, – говорю, – это не платья и даже не сахар. А вообще даже наоборот.

– А...

– Значит, так. Стой, но молчи. Издашь хоть один звук, пока я пистолет собирать не закончу, поручить не дам!

Замолкла. Вот бы ее в этом замороженном состоянии подольше продержать! А то я от такой компании скоро немецкий тыл начну как курорт вспоминать. Там, если повезет, сразу убьют и пытаться не будут.

И зачем только баб на войну берут!

Ладно. Собрал «ГТ», кобуру на ремень повесил.

– Ну что, – говорю, – пойдём, посмотрим на ваших волов.

Пошли. Спустились вниз, зашли в конюшню – ну и вонь же – и прошли в угол, где эти волы обретались.

– Вот.

Глянул я на этих «волово» – так и захотелось затылок почесать. Ни черта ж себе живность домашняя.

Стоит себе в стойле здоровая скирда шерсти. А спереди два рога на полметра торчат.

– Это волы? – спрашиваю.

– Да.

Хорошие у них тут волы, думаю. Хотел бы я еще на местных ослов посмотреть.

– Теперь верю, – говорю. – Четверка таких холмиков не то что два грузовика – легкий танк из болота вытащит. Как вы только этими тушами управляете? Они же так шерстью заросли – пуля застрянет.

– А у них, – отвечает, – хвост чувствительный.

– Ладно, – говорю, – только на моего вола самого лучшего погонщика, пожалуйста. А то противотанковой гранаты у меня нет, а где у него тормоза, я и знать не желаю. Пошли завтракать.

Завтракал я сегодня у Аулея. Решил, раз уж они меня захомутали, причем на офицерскую должность, так пусть и паек обеспечивают соответствующий. А то на их баланду как раз чего-нибудь вроде Трофимовой баррикады и возведешь.

Ем – каша какая-то непонятная, явно из гибрида очередного, а сам все жду, пока Аулей меня допрашивать начнет. А он тоже молчит, только поглядывает изредка, причем больше на дочку, чем на меня.

Зато поп не выдержал. Правда, тоже доел сначала – к еде они здесь очень уважительно относятся, не иначе поголодать хорошо пришлось – и спрашивает:

– Не откажешься ли поведать нам, Сергей, что ты сегодня планируешь предпринять?

– Не откажусь, – говорю. – Для начала – перетащу в замок те два грузовика, что вчера нашёл. А потом буду вам нормальную оборону налаживать. Хоть посмотрите, что это за зверь такой.

Ага. Укрепрайон имени высоты 314. Мы ее в ходе разведки боем взяли. Хорошо взяли, чисто. Без потерь. А до нас под ней рота штрафников легла.

Жалко, нет у них ни мин, ни места, где их толком поставить. Хорошее минное поле – это, я вам доложу, такая замечательная штука – просто слов нет. Пока в нем проходы не проделают.

– А скажи, Сегей, – начал Аулей, – зачем вы вчера на гору полезли?

Я на рыжую с удивлением посмотрел – неужто не проболталась?

– Кстати, – говорю, – пока я с грузовиками возиться буду, отберите десяток самых ловких парней, из таких, чтобы на правый склон смогли вскарабкаться, и пусть веревочных лестниц приготовят, да и просто веревок.

– А зачем... – поп спрашивает, но тут его Аулей остановил.

– По-моему, – усмехается, – нам будет проще пойти и посмотреть. Не так ли, Сегей?

– Именно, – говорю. – Ну, что, Карален, готова?

– Тебя жду, – отвечает.

Сунулся я было к «Доджу» – а его кузнец к себе уволок. Как он только умудрился – поманил, что ли? Кис-кис-кис.

Ладно. Погрузились мы на этих волов – я, рыжая, четверо погонщиков – и двинулись.

Ощущение такое, словно на крыше грузовика едешь. Только мотор не слышно и трясет меньше.

– А чем, – спрашиваю у погонщика, – эти ваши волю питаются?

Тот жвачку свою сплюнул и ко мне поворачивается:

– Ы?

– Жрут чего?

– А все подряд.

– Что, вообще?

– Ыгы, – кивает. – И траву, и дерево, и мясца не прочь отведать.

Черт, думаю, надо будет следить, чтобы в непосредственной близости от пасти не оказаться. А то так тяпнет – почище танковой гусеницы.

– Эй, – говорю. – А быстрее можно?

– Ыгы. Ток не стоит.

– Почему?

– А они, – говорит, – как пробегут малость, так и норовят спать завалиться. И не добудишься.

Ну, еще бы. Такую тушу разбудить – гаубица нужна.

Пока доехали – я чуть сам в этом седле не заснул.

Слез, обошел машины – вроде все в порядке, никто их за ночь не заминировал.

– Ладно, – говорю, – цепляйте ваших першеронов. Посмотрим, на что они годятся, кроме как на консервы.

Решил сначала полуторку попробовать вытащить – она все же не так глубоко завязла, как «студер». Подцепили, я в кабину забрался, только потянулся завести – а они ее р-раз – и выдернули. Словно и не забита она снарядами под завязку.

Черт, думаю, нам бы таких волов под Киев. А то все тылы на своем горбу вытаскивали.

«Студер» эти зверюги еще легче выдернули. Я даже и в кабину не стал забираться.

Распределил я этих волов по два на машину. Сам в полуторку влез – а то ведь не дай бог, кувыркнется – костей не соберешь, а рыжую в «студер» загнал. Руль в среднее положение выставил и говорю ей:

– Значит, так. Твоя текущая боевая задача – держать вот эту круглую штуку и не шевелить ее ни на милли... тьфу, короче, не шевелить. Ясно?

– Верштайн.

– Не верштайн, а ферштейн. Ясно?

– Да.

Был бы у меня хоть кто-нибудь понадежнее – на пушечный бы выстрел ее к машине не подпустил. Да только остальных на этот пушечный выстрел к машине и не подгонишь.

Ладно, думаю, ты мне его только на прямой удержи, а уж повороты я и сам как-нибудь проверну. Да и даже если навернется этот «студер» – невелика беда. Ничего сапогам не делается. Саму б ее, главное, не придавило.

Договорился с погонщиками – как сигналы подавать, как поворачивать. Хорошо еще, что волы эти то ли не боятся ни черта, то ли вообще они глухие, только на клаксон они ровно никакого внимания не обратили. Я для пробы из полуторки полминуты подудел – ноль да семечки.

– Ну, – говорю, – по машинам.

Поехали. Точнее, потащились. Эти зверюги и порожняком-то не слишком резво лапы передвигали, а с грузом и вообще темп марша снизили. Спят они, что ли, прямо на ходу? Эти могут, им даже глаза закрывать не надо – и так из-за шерсти ничего не видно.

Но километров семь в час все же делаем. А может, и все десять.

Черт с вами, думаю, вы, главное, меня на дорогу вытащите, а до замка я уж и сам как-нибудь доеду.

Два поворота спокойно преодолели – остановился, вылез, рыжую подвинул, повернул – и дальше ковыляем. Проехали третий, остановились, оборачиваюсь – а «студер» сам по себе едет. Ну, я к нему, вскочил на подножку, открываю дверцу – а рыжая уже всю рулем шурует.

– Ты чего, – кричу, – кувыркнуться хочешь? Я тебе разрешал?

– А что? – еще и возмущается. – Тоже мне – премудрость.

– Может, ты ее еще и заведешь? – спрашиваю.

Зря я это спросил. Ох и зря. Ключ-то в гнезде торчал.

Не успел опомниться, а Кара уже его провернула и на этот раз завела. «Студер» взревел, вперед рванулся – и со всего маху волю под зад бампером. По хвосту. Хорошо, хоть разогнаться толком не успел.

Тут уж сам вол взревел так, что не то что «студер» – паровозный гудок бы перекрыл. Взвился на дыбы – то еще, доложу, зрелище, даже со спины. Прямо как на танковое днище из окопа. И тоже рванул. Погонщик, молодец, соскочить успел и даже отбежать на пару метров.

Спасло нас то, что второй вол в запряжке с места не сдвинулся. Ему-то что, его под зад никто не пихал. Ну а построжки такого рывка тоже не выдержали – лопнули.

Меня при ударе чуть из кабины не вышвырнуло – хорошо, что за руль успел уцепиться. А рыжая с перепугу тоже за руль цепляется – и на педали давить продолжает. На обе до пола.

Тут уж я не выдержал и заорал. Да так, что чуть лобовое стекло не вылетело.

– Ноги подыми, дура!

Кара ойкнула, ноги поджала – мотор сразу заглох, – баранку выпустила, кулачки к подбородку прижала и смотрит на меня – глазищи от ужаса на пол-лица.

А вола уже и след простыл.

Я через нее перегнулся, «студер» на ручник поставил и на землю спрыгнул. Снял пилотку – как это она не свалилась – провел по лбу – сухой. Надо же, думаю, даже вспотеть не успел. Ну, рыжая, ну кара небесная... Что ж мне с тобой делать-то?

– Чего сидишь? – говорю. – Вылезай.

Вылезла. Стала передо мной по полустойке «смирно» и в землю уставилась, кончики сапог изучает. Я ее за подбородок взял, поднял – глаза сухие, слез и соплей не видать. Спасибо и на том.

– Я тебе, – спрашиваю, – руль поворачивать разрешал?

– Нет.

– Тогда какого черта, – кричу, – ты сама поворачивать начала?! Порулить захотелось?!

Молчит. Я было для нового вопля пасть разинул, но опомнился. Что ж ты, думаю, Малахов, делаешь? Тоже мне, нашел на кого орать – на девчонку несмышленную. Сколько раз на тебя вот так орал – и лично, и в строю? И что ты в таких случаях думал? Правильно, много ума на это не надо, была бы пасть поздоровее. Ты бы лучше, Малахов, с капитана

пример брал, у него тоже голос был – дай боже, но только страшней всего было, когда он еще спокойнее, чем обычно, говорить принимался. Вот тогда – во-оздух!

– Ладно, – уже нормальным тоном говорю, – ты мне вот что скажи – когда ж это ты на педали нажимать научилась? Вчера, что ли?

– Ага, – и носом шмыгает. – Я вчера весь день за тобой наблюдала.

– Оно и видно, – говорю. – И газ, и сцепление в пол втоптала. Да и я хорош – забыл рычаг на нейтралку поставить. Ну а что, попросить лишний раз показать – дворянская гордость не позволяла? Или сословная спесь? А?

– Я думала, все просто, – и опять шмыгает. – А ты бы показал?

– Просто, – говорю, – только простейшие размножаются. А показал, не показал – какая сейчас разница. Ты мне лучше скажи, кто вола ловить будет?

Кара наконец перестала носом дергать и даже улыбнуться попыталась.

– Могу я.

– Не надо. А то мне представить страшно, кого такая охотница поймать может. Наловишь еще роту «тигров» да взвод «пантер» – чем я их долбать буду? Из «ГТ»?

– А... а что же мне делать?

– Сейчас, – говорю, – ты сядешь рядом со мной в полторку и всю дорогу до замка будешь внимательно наблюдать, как я на педали нажимаю. Потому что за руль «студера» я тебя посажу.

Ага. Только на педали нажимать не позволю. Я-то еще пожить хочу. В отличие от некоторых присутствующих.

– В самом деле?

– В самом, в самом. А по возвращении в замок – три наряда вне очереди.

– А наряды – это что?

– Котлы будешь на кухне драить, – шиплю. – Или навоз на конюшне разгребать. В этой своей «боевой» форме. Что грязнее, то и делать будешь? Ясно?

– Вершейн, – отвечает. – С радостью.

– Можно и без радости, – говорю. – Но от – и до.

Ладно. Отправил я погонщиков за дезертировавшим трактором гоняться, а сам с рыжей на полторку поехал. Дорога, конечно, та еще, пару раз думал – точно застряну. Пронесло.

Кое-как доехали. Поставил я машину около конюшни – надо будет, думаю, навес тут какой-нибудь соорудить, – мобилизовал местного гаврика, чтобы любопытных отгонял. Хотел было еще десяток на разгрузку запрячь, но не решился. Ну их к лешему, уронят еще ящик не тем концом, будет потом работа – уцелевших из-под развалин замка выкапывать. Нет уж, лучше я процесс разгрузки лично проконтролирую.

– Ну что, – говорю, – выводы, не-рядовая, своего гнедого.

– Это еще зачем?

– А ты что, обратно ко второй машине собралась пешком топать?

– Мой конь, – заявляет, – не потерпит на своей спине никого, кроме меня.

– Ну один-то раз, – говорю, – он меня уже потерпел. Так что и от второго раза тоже копыта не откинет. Это во-первых. А во-вторых... Ты мне приказы будешь обсуждать? А ну, на-лево, кр-ругом и в конюшню.

Рыжая глазами сверкнула, четко так развернулась – через правое плечо, правда, – и зашагала.

Я пока вокруг полторки ходил, прикинул, куда сгружать буду. Эх, вот бы все-таки пушку к этим снарядам!

Ну да. Странно даже, Малахов, вроде бы советский человек, комсомолец, а жадности в тебе – как у натурального буржуя. Полтора дня назад с одним ножом сюда шлепнулся, и ничего. А нынче вон какое богатство огреб – и все равно мало. И того нет, и этого нет. Сей-

час тебе, Малахов, автомата не хватает, а добудешь автомат – ручной пулемет понадобится, винтовка снайперская. А потом и вовсе танковый взвод с экипажами и звено штурмовиков для поддержки с воздуха. А побеждать, между прочим, Малахов, надо не числом, а умением.

Прочитал я себе эту лекцию в рамках поднятия уровня самокритики, повернулся – а рыжая уже коняку своего из конюшни выводит. И опять, как в прошлый раз, тварь эта гнедая очень подозрительно на меня косится.

Я по карманам похлопал, кусок сахара добыл.

– Эй, кавалерия, – зову, – сахар хочешь?

Конь на сахар искоса взглянул, на Кару обернулся, ноздрями похлопал – хочется, – осторожно так к руке потянулся и схрумкал.

Я его за морду обнял, вроде бы глажу, а сам ему на ухо шепчу:

– Если тут даже «Доджи» человека понимают, то ты, зверюга, меня точно поймешь. Будешь из себя аристократа строить – схлопочешь между глаз. У меня с саботажниками разговор короткий.

Гнедой морду вырвал, отпрянул на пару шагов, фыркает возмущенно. А я стою себе и кобуру на боку поглаживаю.

Кара его седлать закончила, за луку схватилась и взлетела – даже стремян не коснулась.

– Слушай, – говорю, – а вторую лошадь ты вывести не можешь? Кобылку какую-нибудь, посмирнее.

– А ты что, – спрашивает, – за талию женскую взяться боишься?

– Да я, – говорю, – могу и повыше ухватиться. Я другое сообразил – седло-то не двухместное.

– И что же ты за воин, – усмехается, – если без седла на коня вскочить боишься?

Тут я уже злиться начал.

– Да что ты, – говорю, – заладила, – и тоже без стремян махнул. – То боюсь, это боюсь.

Тебя бы в танковый десант – посмотрел бы, кто чего боится.

– Десант – это когда прыгают?

– Ага. Вверх тормашками. Особенно когда на mine подрываются. Как хоть зовут эту конягу? – спрашиваю.

– Гармат, – гордо так отвечает рыжая. – Так звали коня великого короля Торчела.

– Ладно, – говорю, – хоть не Буцефал.

– А кто такой Буцефал? – спрашивает.

– Не знаю. Тоже вроде чей-то конь. Просто капитан как-то сказал, что он двоих не выносит.

А Гармат-то этот, похоже, меня понял преотлично. На дыбы не становился, даже не взбрыкнул ни разу – в общем, вел себя тише воды, ниже травы. Рыжая, когда доехали, даже удивилась.

– Повезло тебе, – говорит. – Обычно он страшно не любит, когда на нем кто-то, кроме меня, едет. А сегодня смирный.

– Это все от сахара, – говорю. – Метод кнута и пряника.

Ага. Ста грамм и заградотряда.

Только дверцу распахнул – а рыжая уже вспрыгнула и за рулем устраивается.

– Эй, а как же конь?

– Ну ты ведь обещал.

– Так я, – говорю, – от своего слова не отказываюсь. Раз уж вылетело. Я про коня спрашиваю.

Кара из кабины высунулась.

– Гармаг – домой.

Гнедой на меня фыркнул напоследок и умчался. Понятливая зверюга, ничего не скажешь. Умнее многих двуногих.

Ладно. Забрался в кабину «студера», задвинул рыжую к самой дверце, прикинул – до педалей дотягиваюсь.

– Значит так, – говорю, – твоя задача – рулить. То есть вращать в нужную сторону вот эту круглую штуку, которая и называется рулем.

– А что такое баранка?

Ты!

– Иногда, – мягко так говорю, – руль называют баранкой. Делают это невежественные, темные люди, которые не могут выговорить слово «руль». Понятно? А теперь заводи – и поехали.

Хорошо еще, что у «Студебеккера» покрышки широкие и мотор нехилый. А то с таким механиком-водителем, как рыжая, только на танке и ездить. И лучше на КВ – у него гусеницы пошире и скорость поменьше.

Правда, перед замком едва с моста в ров не кувыркнулись – еле-еле успел руль выкрутить. Но – доехали.

Вылезаю – пот ручьем катит. А Каре хоть бы что – счастливая, как вчера, с винтовкой. Интересно, кстати, куда она винтовку дела? Тоже в сундук заховала?

– Ну что, – спрашиваю, – прокатилась?

– Да.

– Тогда пойдем на кухню.

– А обед еще не готов.

– Какой обед? – усмехаюсь. – А про наряды свои ты забыла?

– Нет, – вздыхает. – Но я надеялась, что ты забыл.

– Не надейся.

Пошли на местную кухню. Открываю дверь – а на меня оттуда таким угаром повеяло. Что за народ, думаю, даже вентиляцию нормально наладить не могут. Условия приготовления пищи просто исключительно антисанитарные. А про гигиену, похоже, и вовсе никогда не слышали. Эх, Прохорова бы сюда, из третьего батальона. Вот повар был. Хоть ворюга – трибунал по нему не просто плакал, а прямо-таки горячими слезами обливался, – но жратва при этом была, будто и не крал он из котла ничего. А уж кухню свою как чистил – немцы по ней один раз даже артналет устроили.

Тут мне навстречу из дымных клубов бочонок выплывает – брюхо впереди на ремне несет, а на брюхе лапы горкой сложил. Одежда так засалена, что не то что суп – борщ хороший можно сварить. А если еще из самого котлет нарубить – роту полного состава накормить можно.

Колпак, правда, на голове еще помнит, что когда-то белым был. Давно, конечно, много вина с тех пор мимо пасти на одежду утекло.

– Чего надо? – гудит.

– Где у вас тут, – осведомляюсь, – посуда немытая? – Интересно, думаю, а мытая посуда у них вообще есть? Может, я вопрос неправильно задал.

– А кто... – Тут колпак в сизом тумане Кару за моей спиной наконец разглядел и так разнервничался, что даже поклониться попытался. Получилось у него, правда, только подбородки на пару сантиметров передвинуть.

Эх, нет на вас старшины Раткевича!

– О, госпожа Карален. Прошу вас, проходите. Извините, у нас тут...

– Крыса у вас тут, – говорю, – обожравшаяся. И не одна. – Бочонок на меня тревожно зыркнул – задумался, наверно, каких именно крыс я в виду имею. А я и про тех и тех сказал. Все они тут от жира лопаются – с места стронуться боятся.

Черт, были бы лишние патроны – достал бы «ТТ» и пристрелил пару штук! Сразу бы забегали. И куда только Аулей смотрит?

Ладно. Мне сначала на передовой надо порядок навести – а до кухни я как-нибудь в другой раз доберусь.

Прошли в другой конец, гляжу – груда котлов навалена. Я из этой кучи один, не самый крупный, выволок, заглянул – ну, думаю, ничего себе довели посуду. Этот жир не отскребать, это жир взрывать нужно.

– Ну вот, – говорю, – не-рядовая Карален. Тут тебе работы – как раз до обеда. И чтоб через три часа этот котел сиял, как твои ясны глазоньки.

Кара только носик наморщила. А вот колпак от моих слов чуть в обморок не хлопнулся.

– Но как же так, – бормочет, – высокородная госпожа и...

Я к нему медленно развернулся, свысока поглядел – с трудом, но получилось – и медленно так, каждое слово изо рта по капле роняя, процедил:

– Еще раз рот откроешь – остальные котлы лично вылижешь.

Колпак на меня ошалело взглянул – и унесся в сизую даль. В голубой туман. Причем, что удивительно, только один стол по дороге опрокинул.

Я обратно к Каре повернулся.

– Задача ясна?

– Ферштейн, – отвечает, а сама поглядывает в ту сторону, куда повар утек. Я этот взгляд перехватил.

– И еще, – говорю, – феодалочка. Я в твоём слове не сомневался.

Кара на котел посмотрела и так тяжело вздохнула, что у меня аж слезы из сердца закапали. Крокодиловы, правда.

– Ферштейн. Только не называй меня так, как ты меня сейчас назвал. А то я хоть и этого слова тоже не знаю, но сильно подозреваю, что ты меня незаслуженно обижаешь.

– Обо что шум, – отвечаю. – Не хочешь быть царицей морскою – будешь дворянкой столбовою.

Оставил я ее наедине с котлом – вот пусть кого многократным численным превосходством давит, – а сам пошел своих альпинистов разыскивать.

Нашел. С Арчетом во главе. Белобрысый уже заранее до ушей расплылся – очередную пакость предчувствует.

– Десятка лучших скалолазов замка в полном твоём распоряжении, Маляхов, – рапортует. – Что приказывать будешь?

Ну почему они все слова коверкают? Особенно мое имя с фамилией? По-русски же говорят, не немцы все-таки.

– Малахов я, – говорю. – Это во-первых. А во-вторых... Веревки приготовили?

– Все, как велено.

– Вот и отлично. Взяли и пошли.

Привел я их под вчерашнюю расщелину, как раз под то место, над которым ножками в воздухе дрыгал, и говорю:

– Вон ту щель в скале видите?

– Видим, – отвечают.

– Хорошо, что видите. Задача – добраться до нее и закрепить там веревки и лестницу.

Вопросы есть?

Арчет улыбаться перестал. Посмотрел на склон, на меня, обратно на склон.

– Не так-то просто, – говорит, – до нее добраться.

– Ничего. Зато там место есть, где передохнуть можно. Это я точно знаю.

– Это откуда же? – интересуется.

– Да был я там вчера.

– Что, тоже мимо проходил?

– Ага, – отвечаю. – С земли на небо.

Арчет снова на склон посмотрел, на команду свою – и вздохнул точь-в-точь как рыжая перед котлом.

– Ну так как, – спрашиваю, – сделаете?

– Придется, – отвечает, – раз уж Кара там побывала, то нам от нее отстать честь воинская не позволяет.

– Ну вот и приступайте.

Постоял рядом пять минут, посмотрел, как он командует, – ну, думаю, эти либо вскарабкаются, либо попадают. С таким командиром, как Арчет, – скорее первое.

Пошел к кузнецу. Подхожу к кузнице, смотрю – а у входа «Аризона» стоит, а в кузове тренога и пулемет уже на ней установлен. Ну, я не удержался, махнул за борт, так, так примерился, по воздушным целям, сбоку, с тылу отстреливаться – красота.

– Ну что, – говорю, – «Аризона». Чем ты не танк? Только гусениц не хватает.

Тут кузнец выходит.

– Как, – спрашивает, – доволен работой? Коню твоему железному понравилось.

– И мне понравилось, – отвечаю. – Подходяще.

– Еще заказы будут?

– Будут, – говорю. – Еще как будут.

Заказал ему еще два станка – один для того «березина», что в расщелине собрался устанавливать, а второй, полегче, – для бортового «ШКАСа». «ШКАС» я собрался на одной из башен установить – заодно и ПВО какое-никакое появится.

Кузнец меня выслушал, кивнул, бороду пригладил.

– Сделаю.

– Все это, – говорю, – желательно поскорее, но одну вещь хотелось бы совсем срочно. Ключ гаечный, о котором вчера договаривались.

– Мне бы только на размер посмотреть. А там уж...

– Размер, – говорю, – сейчас покажу.

Побежал обратно к грузовику, нашел ящик, который вчера открывал, вытащил один снаряд и обратно к кузнице.

– Вот, – показываю, – колпачок на верхушке, головка, ее и надо будет этим ключом сворачивать. Сможешь до обеда сделать?

– А я, – кузнец говорит, – если надо, и без обеда обойдусь.

– Вообще-то, – говорю, – обходиться не обязательно, но довольно желательно. Хочется ведь побыстрее все наладить. А то как на войне бывает – сидели-сидели, даже мухи мимо не летали, и вдруг – гутен таг и сразу ауфидерзейн.

– Посмотрим, – улыбнулся кузнец. – Заходи после обеда.

Иду и думаю – что бы еще сделать? Вроде все приказы раздал, теперь надо первых результатов дожидаться. Переодеться, что ли? А то гимнастерка вся рваная, штаны конским потом пропитались – не разведчик, а саперная нестроевщина.

Вот, думаю, саперными работами я пока и займусь.

Сел в «Додж», отъехал от замка метров на пятьсот – как раз площадка земляная попала, и чего только местные тут сад какой-нибудь не разбили, – вытащил лопату из кузова и начал яму копать.

Как раз, пока до полудня время прошло, успел и яму подходящую вырыть, и даже к кузнецу за оборудованием обернуться – за котлом. И еще мехи приволок, или как эта штуковина называется – поддувало, что ли? В общем, подготовился к ответственной работе.

Самое паршивое, думаю, что градусника нет. С градусником вообще бы просто было. Всего-то делов – температуру засечь и поддерживать на уровне.

Ладно.

Вернулся в замок, прошел на кухню, смотрю – рыжая над котлом согнулась в три погребели и скребет. Отскребла она, правда, за все это время кусочек два на три сантиметра – вроде дыры от подкалиберного, зато сама перемазалась – слов нет.

– Ну, как успехи? – интересуюсь.

На этот раз она на меня по-новому посмотрела. Очень интересный взгляд – злобно-унылый.

– Шел бы ты, – отвечает, – до завтра. А лучше – до послезавтра.

– С радостью, – говорю. – Я-то просто зашел напомнить, что дежурным по кухне обед тоже полагается. Он даже приговоренным к смерти полагается.

– Правда?

Рыжая так вскочила, что чуть котел на меня не опрокинула.

– Правда-правда. Только иди умойся сначала, а то тебя за стол не пустят.

Обедать нам пришлось вдвоем. Аулей куда-то ускакал, у попа тоже дела нашлись, даже Матика тарелки на стол поставила – и сразу пропала.

– Куда это они так разбежались? – спрашиваю. – Будто нарочно.

Кара только в тарелку прыснула.

– А что смешного-то?

– Потом расскажу, – говорит. – Когда-нибудь.

Ладно.

Будь у меня другой настрой, я бы ее к стенке прижал и нужные сведения вытряс. Да только мысли все мои вокруг предстоящей работы вертелись. Уж очень душа у меня к ней не лежала. Я даже и на еду-то внимания почти не обращал – жевал чего-то, а что жевал – не помню.

Дело в том, что до этого мне тол вытапливать не приходилось. К нам-то он уже готовый поступал. Все, что я про этот процесс знал, мне один наш парень рассказал, бывший партизан. У них в отряде со снабжением в первые годы плохо было, вот и приходилось самодеятельностью заниматься. Но тоже – когда как. Один раз полтора кило вытопили, а в другой – пятнадцать снарядов вылили, а шестнадцатый – рванул. Вот и думай.

И в самом деле, Малахов, ну зачем тебе этот тол? Камнепады устроить – идея, конечно, хорошая, а сумеешь ли? Ты ведь на Кавказе, в горах не воевал, а тут ведь не абы как заложить надо – а все рассчитать. Это тебе не мину снежком присыпать и даже не фугас на дороге зарыть. Может, обойтись одними осколочными? Тоже хорошо будет – рикошет с трех сторон. А на две линии одних проводов сколько надо. Плюнул бы ты, Малахов, не рисковал лишний раз. Дались тебе эти фугасы.

Вот так отговариваюсь, отговариваюсь, сам себе мозги пудрю и все равно понимаю – доем сейчас, встану и пойду. Потому что надо. Потому что эту работу никто за меня не сделает. Как в разведке, Малахов, – умри, но сделай. Точнее, как говорит капитан: «Сделай и не умирай».

Но настроение у меня заделалось совсем похоронное. Подчистил я миску больше по привычке – раз дали, надо съесть, а то когда еще удастся. Потом подумал, что зря я вообще ел – перед боем-то нельзя, а после сообразил, что какой там живот – если рванет, никаких кишок не соберешь.

Ладно. Спустился, забрал у кузнеца ключ – успел-таки сделать, как и обещал, – форму заодно у него оприходовал, чтобы было куда готовый продукт разливать, как раз подходящие брусочки получатся. Подогнал «Додж» к полуторке и перегрузил два ящика фугасов.

Пока, думаю, хватит. Хоть бы эти вытопить.

Осмотрелся – рыжей не видно. Первый раз за все время. Интересно, куда она делась? Обиделась? Или котел отправилась дочищать? Да какая разница, думаю, нет – и на том спасибо.

Поехал. Остановился у ямы, выгрузил все, а «Додж» в сторону отогнал, метров на сто. Машине-то зачем пропадать? А я туда буду готовую продукцию оттаскивать, по мере изготовления.

Черт, но до чего на душе муторно.

Запалил огонь под котлом, вскрыл первый ящик, вытащил снаряд и начал ему потихоньку голову отворачивать. Эх, тисков, жаль, нет. Страшно неудобно без тисков. И как этот кузнец только без них обходится?

Кое-как три взрывателя вытащил, отнес за яму, а снаряды в котел определил. Ну, думаю, поваритесь, безголовые, только, чур, не подгорать. Если все нормально пройдет, из вас такое замечательное кушанье получится – просто крем-брюле.

– А что ты тут делаешь?

В этот раз я очень медленно повернулся.

– Рыжая, – шепчу, – я же из-за тебя чуть взрыватель не выронил. Что ты тут делаешь, а?

– Я...

– Вот что, рыжая, – говорю, причем так спокойно – капитан бы удивился, – ради всех твоих богов, исчезни отсюда как можно скорее. И если ты... я тебя очень прошу.

– Тут опасно?

– Уйди прочь!

Подействовало. Я лицо пилоткой вытер, вывинтил до конца головку, вытащил взрыватель, гляжу – а из первого снаряда уже тол закапал.

Эх, градусник бы сюда, температуру засечь!

Вытопил первую троицу до дна, отбросил клещами – а не так уж страшно, думаю, как казалось. Да разве проход в минном поле проще делать? Или безопаснее?

И пошло дело. На третьей тройке даже осмелел – огонь немного прибавил – и ничего, сошло. Одну порцию к «Доджу» отволок, вторая поспекает.

Ну, думаю, если и дальше так хорошо пойдет, надо будет еще снарядов подвезти, побольше за один раз вытопить. Взрывчатка, она ведь в хозяйстве всегда пригодится, ее много не бывает. Подхватил второй ящичек с готовым толлом и только на два десятка шагов отошел – зашипело позади яростно, со свистом. А потом земля из-под ног выдернулась – и грохнуло.

Глава 6

Плюхнулся я прямо на ящик. Черт, думаю, если сдетонирует – аминь. Останется от старшего сержанта Малахова две воронки плюс сизый дымок. С второго-то разу. Ха, вот хохма будет, если меня еще в один мир перебросит или обратно в мой. А что, чем не прямое попадание. Прямей уж некуда.

Все это, конечно, весело, но лежать на этом ящике еще хуже, чем на автомате, очень уж больно края в живот врезаются. Да и сыпаться сверху, похоже, перестало. Даже песок.

Приподнялся, смотрю – накрылась моя полевая лаборатория в самом прямом смысле этого слова. Только дым к небу поднимается.

Встал, отряхнулся – нет, чувствую, рано мне еще вставать. Вроде контузия не сильная, а ноги не держат. Хорошо еще, остальные держатели работают. Сел обратно на ящик, по карманам зачем-то начал хлопать. Черт, думаю, да что ж это я, какие еще сигареты, если я и курить-то никогда не пробовал? А жаль.

Повезло мне. Хорошо упал. Как раз в мертвой зоне. Большую часть осколков яма на себя приняла, а остальное в воздух поднялось, аккуратно через меня перелетело и метрах в десяти перед моим носом посыпалось. Осколков, кстати, не так уж много и было.

Сижу, жду, пока руки трястись перестанут.

Ну, Малахов, думаю, похоже, раз уж ты один раз официально погиб, то теперь тебя никакая зараза не возьмет. До ста лет доживешь и дальше жить будешь, пока от скуки не скиснешь.

Черт, но как мне за руль в таком состоянии садиться? И ящик этот тоже как-то доволочь надо.

И тут рыжая подбегает. Черт, думаю, явно она где-то неподалеку пряталась. Ну не могла она от самого замка успеть добежать.

– Эй, феодалочка, – говорю, – как проверить, я живой или мне все снится?

Ой, я ж ее обещал буржуинкой не обзывать. Ну, думаю, сейчас так врежет – сразу почувствую на каком я свете.

Нет, не врезала. Пожалела, наверное, контуженого.

– Что это было?

– Несчастный случай на производстве, – шучу. – ЧП, можно сказать. Die grobste Nichtbefolgung der Technik des arbeitsschutzes bei dem Umlauf mit den explosiven Stoffen⁸.

– И... и ты поэтому меня прогнал?

– Именно, – отвечаю и чувствую, что сейчас засну прямо на столе. Спать почему-то хочется, как от потери крови.

– Слушай, – бормочу, – фео... тьфу, рыжая. Срочно организуй кого-нибудь на переноску этого ящика в «Аризону». И...

– Встань.

– Зачем?

– Ты на нем сидишь.

Встал. А рыжая за этот ящик уцепилась – и подняла.

– Стой, – кричу. – А ну поставь. Надорваться хочешь?

– Так он же легкий.

– Знаю я, какой он легкий. А ну давай сюда.

Забрал – действительно легкий. Вот только нести его отчего-то страшно неудобно. Руки не держат и ноги заплетаются.

⁸ Грубейшее несоблюдение техники безопасности при обращении со взрывчатыми веществами.

– Отдай ящик, – это рыжая сбоку пристаёт.

– Не мешай, – бормочу. – И без тебя тяжело.

– Дай хоть помогу.

– Без таких помощников обойдемся. Ты почему приказ не... – Тут я в какую-то ямку сапогом угодил и чуть кубарем не полетел. Хорошо, Кара меня сбоку подхватила.

Кое-как доковыляли до «Доджа» – я тол несую, а рыжая – меня. Сел за руль, завел – нет, чувствую, точно с моста в ров слечу.

– Садись за руль.

– А можно?

– Теперь все можно. Главное – в ворота впишись.

И доехали. Вылез, головой потряс – вроде полегчало, но все равно – надо пойти отлежаться. А то я им тут такого понакомандую. А уж о том, чтобы в таком состоянии с взрывчаткой работать, и вовсе думать нечего.

Ладно, думаю, проверю только, как там у Арчета дела, и спать завалюсь. Тем более что у меня, пока я на ящике куковал, одна мысль возникла, и довольно правильная.

Выволокли мы с Карой оба ящика, запихнули их поглубже под полуторку. Гляжу – а гаврика гарнизонного нет.

– Эй, – говорю, – а часовой-то куда делся? Я его с поста не снимал.

– Так обед же был.

– Какой еще обед? В той яме десять кило тола рвануло, а тут – полторы тонны.

Ох и работнички.

– Значит, так, – говорю, – стой здесь, никого к машине не подпускай. Первых двух с мечами, кто будет мимо проходить, мобилизуешь на охрану, а сама найдешь вашего начальника караулов, ну, кто у вас там дежурства на башнях распределяет, и скажешь ему, чтобы составил на этот пост круглосуточное расписание. Задача ясна?

– Нет, – улыбается, – но все будет сделано.

– Ну, смотри, – говорю, – а то ведь котел так и стоит недочищенный.

Поехал проверить, как там у Арчета дела. Подъезжаю – а они как раз лестницу наверх затаскивают.

Белобрый меня увидел, рукой помахал, веревку подхватил – ну, думаю, и ловок же он по камням скакать. Никогда горных козлов не видел, но так, как Арчет, не всякий козел, наверное, сумеет. Эх, и как я только вчера не сообразил веревку захватить?

– Ну как работа?

– Так ведь, – говорю, – работу я не здесь принимать буду. Сможете меня наверх затащить, неподвижным грузом?

– Запросто.

– Вот и давайте.

Арчет мне другой канат поддал, я за него покрепче уцепился, он за соседний. Р-раз – и втащили нас на этот склон – еле ноги успевал переставлять.

– Ну так как работа?

– Хорошо, – говорю. – На спасибо будет. А скажи-ка, дядя, каменщика среди твоих горнострелков не найдется?

– Ученик есть. Бывший, правда.

– А он еще не все позабыл? – спрашиваю.

– Спросим. Тарви, подь сюда.

Смотрю – один из парней бросил веревки натягивать и подходит к нам. Спокойно так подходит, вразвалочку, даром что идет по самому краю без всякой страховки. Мне он сразу понравился. Плотный такой крепыш, вроде нашего Степанова из второго взвода.

– Что надо?

– Сможешь, – спрашиваю, – стенку каменную сложить?

– Где?

– Да вот прямо здесь, – говорю. – По краю, где ты шел.

– А чего, – отвечает, – запросто. Камней здесь много.

– Вот и отлично.

Объяснил ему, где, что и как – ну, думаю, если он все это нормально сложит, такой дот получится – не подступишься. Разве что самоходку на прямую наводку выдвинуть. Ничего, для самоходочки мы другой сюрприз приготовим.

Собрался слезать, глянул вниз – и тут так голова закружилась, чуть не свалился. Нет, думаю, надо обязательно пойти отлежаться. А то и в самом деле делов наворочаю. Вон мысли – и те заплетаются: «деле – делов».

Ладно, думаю, а спуститься-то как?

И тут уж меня злость разобрала. Да что ты, думаю, Малахов, тяжелораненого из себя корчишь. Подумаешь, рвануло рядом. Что, первый раз под обстрелом? Ближе, бывало, рвало, и что? Дождался, пока осколки сыпаться перестанут, – и вперед.

Схватился за веревку и вниз. Не хуже Арчета.

Вернулся обратно в замок, гляжу – у полуторки двое часовых стоят, в полной чешуе, с мечами наголо, а рыжая поодаль прохаживается.

– Твой приказ выполнен, – рапортует.

– Отлично, – говорю, – а теперь слушай новый. Твоя боевая задача на сегодняшний вечер – залечь пораньше спать и получше выспаться. Ясно?

– Нет, – отвечает. – А ты что будешь делать?

– То же самое, – говорю. – А завтра с утра быть в полной боевой готовности.

– А зачем?

– В разведку мы с тобой пойдем.

Это я, тогда, сидя на ящике, додумался. Встряска, наверное, помогла. Я ведь разведчик, а не сапер, значит, и заниматься надо своим прямым делом. А то вон взялся за чужое – и результат. Да и оборону налаживать – мысль, конечно, хорошая, но что за оборона без сведений о противнике? А местным сведениям я что-то слабо верю – примерно как слухам, курсирующим среди местного населения. Тоже источник информации, но веры ему маловато – все по десять раз перепроверять нужно. Тем более – для дезинформации чаще всего используется.

А потом можно будет и взрывчаткой заняться. Когда уже буду знать, против чего готовить.

Так что оставил я Кару во дворе – осознавать и проникаться, а сам пошел к себе наверх и завалился спать. А что, первое дело – выспаться перед выходом. На задании-то не до сна.

На этот раз мне никто не снился. Даже немного жалко стало. Так бы, глядишь, посоветовался с капитаном или хотя бы со старшиной Раткевичем, может, и подсказали бы чего. Я ж все-таки приказы больше привык выполнять, чем отдавать. Понятно, что разведчик должен быть инициативный боец и все такое, но только инициатива эта самая, она ведь тоже всякая бывает. Иногда так завести может – не отплюешься.

Только под утро мне наконец сон приснился. И то – не отцы-командиры и даже не зануда Светлов, а тот лысый тип, который меня в черном замке вербовать пытался. Интересно, думаю, на кого ж он меня вербовал? Зайти, что ли, спросить?

Лысый опять целое представление устроил. Стоит на фоне пламени, халат свой черный словно крылья растопырил, пальцы крючками согнул и бормочет:

– Ты мой. Ты мой. Ты все равно придешь ко мне. Поздно или рано, но ты все равно вернешься ко мне.

– Никаких проблем, дядя, – говорю. – Буду в ваших краях – обязательно найду с визитом.

Тип аж подскочил.

– Где ты? Где ты?! Где ты?!

Вот заладил. Что за сон дурацкий.

– Да здесь я, – говорю, – сзади. Под халатом.

От этих слов лысый так завизжал, словно у него под халатом действительно скорпион сидел и как раз сейчас его в задницу ужалил. Сорвал халат и топтать принялся.

Мне даже смешно стало. Ладно, думаю, раз указаний от начальства получить не удалось, так хоть комедию посмотрю. А то ведь когда еще кинопередвижка в этот замок заедет.

– Ладно, – говорю, – дядя, не порть материю. Пошутил я. На самом деле я у тебя на голове сижу, в волосах прячусь.

Тут уж лысый взвыл, как будто ему ножом брюхо распорили.

– Где ты?! Как ты укрылся от моей Силы?! Кто ты есть?!

– Я же тебе уже один раз говорил, дядя. Старший сержант 134-й стрелковой дивизии. Что, так трудно запомнить?

– Я доберусь до тебя, – шипит.

– Ага, – говорю. – Вот давай посмотрим, кто до кого раньше доберется?

– Ты бросаешь мне вызов?! – орет. – Ты смеешь?!

– Какой вызов, дядя, – усмехаюсь. – Я тебе даже гранату без чеки бросить пожалею.

– Я... Я...

– Ну ты, а дальше что? Знаешь что, – говорю, – дядя. Надоел ты мне со своими воплями. Шел бы ты в ад к приятелям-чертям, а я дальше спать буду.

Лысый еще громче взвыл, пламя его охватило – и пропал. А я проснулся.

Выглянул из-под покрывала – рыжей не видать, – потянулся за одеждой. Черт, думаю, в таком рванье не то что на задание идти – до ветра сбегать неудобно.

Оделся все-таки пока в эту рвань, скатился к колодцу, умылся – с бородой, думаю, срочно что-то делать, надо, – и только к грузовику шагнул, как оба караульных, новые, я их еще не видал, стеной передо мной выстроились.

– Нельзя.

– Вы чего, – спрашиваю, – совсем очумели? Это ж мои грузовики.

– Велено никому не подходить.

– Правильно, – говорю. – Мной же и велено.

– Нам приказали никого не подпускать.

– Кто приказал-то?

– Старший ратник.

– А он где?

– В караулке отсыпается после ночной стражи.

Черт, думаю, если этот старший ратник не Арчет, а, скорее всего, это не Арчет, то, если я его подыму, он меня так покроет – в точности как я бы на его месте. Ну а что делать? Аулея будить? Совсем не хочется.

Ладно, думаю, сейчас я вам проверку бдительности устрою.

– Вам к какой машине приказали никого не подпускать?

– Чего?

– К какому ящику на колесах не подпускать велено?

– К этому, – и на полуторку показывает.

– Ну, вот и стойте себе, – говорю. – А мне второй гроб нужен.

И, пока они в своих немых головах эту мысль прокручивали, я себе спокойненько в кузов «студера» влез.

Порылся, подобрал себе комплект формы – гимнастерка, правда, офицерская, ну да нашивки потом перешью. А вообще можно было бы и с лейтенантскими погонами пофорсить – местным-то все равно, хоть штаны полосатые нацепи.

Нижнее белье тоже передел, только сапоги и ремни свои оставил. Хром – это, конечно, вещь, но скрипу от него...

Жаль, камуфляжа никакого нет.

Прицепил кобуру, выскочил – эти двое все еще стоят, пялятся. Тоже мне, охраннички, ППС. Некому вас в чувство привести, в божеский-то вид.

Ладно, думаю, черт с вами, стойте. Не до вас.

Пошел Кару искать. Хоть и очень сильно не хотелось мне с ней связываться, но про нее я хотя бы твердо знал, что минимум один раз она на территорию противника проникла, да еще с конем и даже «языка» обратно приволокла. «Язык», ей, правда, тот еще попался.

Поднялся в левое крыло, где Аулей с семьей квартировал, и как раз на Матику наткнулся.

– А где, – спрашиваю, – Кара?

– Вон по той лестнице вверх, – показывает. – Только она, наверно, спит еще.

– А что, будить ее раньше времени нельзя?

– Нужно, – вздыхает. – Решился бы кто на это.

– Ну, один герой, считайте, нашелся.

Взлетел я по этой лестнице, постучал – тишина. Постучал сильнее – а дверь возьми, да отворись. Тут-то я глаза и вытарацил.

Рыжая себе спит вовсю, раскинулась на кровати – покрывало с одной стороны, подушка с другой, волосы рыжие до пола свисают. А ночнушка на ней – мне б через такую ночнушку на план немецкого наступления полюбоваться, живо бы Героя получил, хотя там вид куда менее замечательный – и вдобавок задралась.

И улыбается во сне.

Пару секунд я на нее смотрел, потом пулей оттуда выскочил, дверь захлопнул, спиной к ней привалился. Ну, Кара, думаю, ну, рыжая, ну шпринг-мина. Если кто меня в гроб обратно загонит – то только она.

Ладно. Спокойно, начинаем считать... на четыре вдохнул, на шесть выдохнул, дрожь унял, развернулся – и в дверь сапогом. Сейчас, думаю, ты у меня проснешься.

Пять раз ударил. На шестой только ногу занес – дверь распахивается, а за ней рыжая, в той самой ночнушке.

Нет, думаю, врешь, не отвернусь. Но покраснеть покраснел.

– И долго еще, – спрашиваю, – спать собиралась?

Прежде чем ответить, Кара потянулась так томно, зевнула и только после этого ответила:

– Пока не разбудят.

– Ну вот, – говорю, – я тебя не просто бужу, а, считай, по тревоге поднимаю. Живо одевайся, и чтоб через пять минут внизу была.

Скомандовал, поворачиваюсь и только ногу над первой ступенькой занес, как рыжая от двери:

– А что это ты на меня так странно уставился?

Спросила, как в спину выстрелила.

Я медленно развернулся, посмотрел на нее – странно.

– А что это ты, – спрашиваю, – полегче одеться не могла?

– А зачем?

– Да так, – говорю, – прохладно ведь.

– А мне, – улыбается, – вовсе не холодно. Даже жарко.

И прежде чем я успел хоть глазом моргнуть, подняла руку – и р-раз – упало это воздушное одеяние невесомой кучкой вокруг ее замечательнейших ножек.

Еле отвернуться успел.

– А что это ты, Ма-алахов, на меня взглянуть боишься? Я что, не нравлюсь тебе?

– Нравишься, – сквозь зубы цежу, – очень даже нравишься.

– Тогда зачем ты отвернулся?

Слышу, ближе подходит.

– Мне очень приятно, – шепчет, – когда мной, моим телом восхищаются.

Я на всякий случай зажмурился и еще руками глаза зажал, для надежности.

– Ну а что будет, – выцеживаю, – если я тебя сейчас об стенку размажу?

– А тогда, – и голос у нее сразу заледенел, – мой отец вздернет тебя на самой высокой башне замка Кроханек.

– Этого ты добиваешься?

– Да!

Тут уж я развернулся и в глаза ее желтые уставился. И ни на что, кроме тех глаз, уже внимания не обращаю. А они огнем полыхают.

– Ах ты... ты... тьфу!

Крутанулся и посыпался вниз по лестнице. Даже не оглянулся ни разу.

– Чтоб через пять минут, – снизу ору, – была внизу. Одетая.

Ну, думаю, послал же бог напарницу.

Спустился во двор, привалился к стене – черт, думаю, нервы ни к черту, тьфу, опять заговариваться начал. Выматериться, что ли? Я вообще-то после второго ранения зарок дал – ни слова. И пока держал. Ну уж очень хочется. Черт, какая все-таки жалость, что не курю. И выпить, как назло, нечего. Хлопнул бы сто грамм, глядишь, и полегчало.

Да уж, полегчает после такого. Да и какие сто грамм перед делом?

Ладно, думаю, зато теперь все точки и запятые расставлены. Она меня ненавидит, я ее... тоже люблю. Да так, что взял бы и пристрелил на месте, стерву рыжую.

Ничего. Зато спину мою она в бою беречь будет больше, чем свою собственную. Я уже один раз такое видел – двое солдат у нас в роте, что характерно – земляки, не то что видеть, слышать один другого не могли, глотку были готовы перегрызть из-за взгляда косоного. А потом одного ранили, причем так, что не видел никто, кроме второго. И этот второй его из-под обстрела выволок. А когда его спрашивают: «Ша...», короче, ты чего, ты ж его больше фрицев ненавидел, он глазами сверкнул и отвечает: «Мой враг – никому его не отдам».

И у рыжей, чувствую, так же. Удовольствия мне глотку перегрызть она никому не уступит.

Ладно. Всю эту лирику – скатать и запихнуть поглубже. О деле предстоящем думать надо.

А что о деле? Автомат бы?

Ну вот, думаю, опять песню завел. А пулемет не хочешь утащить? Или винтовку? Винтовки-то у тебя, Малахов, тоже нет. Рыжей стерве отдал. Ну, у кого просить будешь, у нее или у Трофима? Или так и пойдешь с пистолетиком?

А что? При стрельбе в упор, если уж на то пошло, пистолет куда расторопнее винтовки. А в перестрелку я ввязываться не собираюсь. И потом, у меня еще кое-какие гостинцы заготовлены.

Смотрю – Кара из двери выходит. Оделась во вчерашние сапоги с кожанкой, причем сверкает вся эта галантерея на ней, словно новенькая. Вроде и не перемазалась она вчера так, что сапоги от лица не отличить. Я только приготовился рот открыть, прислушался – не скрипит.

Ладно, думаю, черт с тобой, а то еще опять примется прямо посреди двора раздеваться.

И винтовка за плечом.

Подходит так спокойно и смотрит вопросительно, словно и не было между нами ничего пять минут назад.

Хорошо, думаю, забыли до поры до времени.

– Патроны к винтовке?

– Пять обойм.

– Где?

– В карманах. Показать?

– Не надо. Прикажи лучше этим олухам, чтобы пропустили нас к машине.

– Они меня не послушаются.

– А ты, – говорю, – прикажи так, чтобы послушались.

Снова глазами сверкнула, развернулась, подошла к этим двум болванам, кротко что-то бросила – шарахнулись, как от змеи. А что, их понять можно. Я, например, их очень хорошо понял.

– Эй, – кричу, – куда рванули-то? А ну назад.

Вернулись. Стоят, с ноги на ногу переминаются. Очень им тут неудобно и явно не из-за меня с грузовиком.

– А ну, – командую, – снимайте весь ваш металлолом, мечи, кольчуги, все снимайте и становитесь во-он сюда. Будете ящик принимать.

– А что, господин, – один блеет, – с ними делать?

– На землю ставить, – рычу. – Аккуратно. Уронишь – я тебя на том свете достану. Ясно?

Вперед.

Черт, еще бы такую же парочку вверх, но уж больно не хочется никого из местных в кузов пускать. Хотя... одного можно.

– Эй, не-рядовая. Арчета сюда, срочно.

Трофима тоже можно было бы. Да ну эту бороду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.